

**Духовное путешествие
Размышление перед Великим постом
митрополит Сурожский Антоний (Блум)**

Подготовка к путешествию

«Препоясав чресла наши»

В отличие от того, что считают и чувствуют многие, период духовного напряжения (скажем, во время Великого поста или говения) это время радости, потому что это время возвращения домой, время, когда мы можем ожить. Это должно быть время, когда мы отряхиваем с себя все, что в нас обветшало и омертвело, для того чтобы обрести способность жить, – жить со всем простором, со всей глубиной и интенсивностью, к которым мы призваны. Пока нам недоступен, непонятен этот момент радости, у нас будет получаться чудовищная и кощунственная пародия; мы, будто бы во имя Божие, превратим жизнь в сплошное мучение для самих себя и для тех, кому придется расплачиваться за наши бесплодные потуги стать святыми. Это понятие радости может показаться странным рядом с предельным напряжением, подвигом воздержания, с настоящей борьбой, и тем не менее радость проходит через всю нашу духовную жизнь, жизнь церковную и жизнь евангельскую, потому что Царствие Божие «усилием берется» (Мф. 11:12). Оно не дается просто тем, кто беспечно, лениво ждет его прихода. Для тех, кто ждет его таким образом, оно, разумеется, придет: придет в глухую полночь, придет, как Суд Божий, как вор, которого никто не ждет, как жених, который грядет, пока неразумные девы предаются сну. Не так должны мы ожидать Царствие и Суд. Мы должны вернуться к такому состоянию, которого обычно не можем вызвать даже из своих глубин, настолько оно нам чуждо, – состоянию радостного ожидания Дня Господня, хотя мы знаем, что этот День будет днем Суда. Поразительно слышать в церкви, что мы провозглашаем Евангелие, благовестие о Суде, и провозглашаем, что День Господень – не страх, а надежда, и вместе с Духом Святым Церковь может сказать: «Гряди, Господи, и гряди скоро!..» Пока мы неспособны говорить в таких категориях, нашему христианскому сознанию не хватает чего-то очень важного. Что бы мы ни говорили, в таком случае мы все еще язычники, вырядившиеся в евангельские одежды. Бог для нас еще «Бог

вдали», и приход Его – мрак и ужас для нас; и суд Его – не искупление, но осуждение наше; и встреча лицом к лицу с Ним – страшное событие, а не час, к которому мы устремлены и ради которого живем.

До тех пор, пока мы не осознаем это, духовное напряжение не может быть радостью, оно непосильно и ставит нас перед лицом суда и ответственности – потому что мы сами должны осудить себя для того, чтобы перемениться и быть в состоянии встретить День Господень, славное Воскресение с открытым сердцем, не пряча лицо, готовые возрадоваться, что он пришел. И всякий приход Господень это суд. Отцы Церкви сравнивают Христа с Ноем и говорят, что присутствие Ноя среди его современников было одновременно и осуждением, и спасением их. Оно было осуждением, потому что присутствие одного человека, оставшегося праведным, всего лишь одного-единственного человека, который сумел стать святым Божиим, служило доказательством, что это возможно и что грешники, те, кто отверг Бога, кто отвернулся от Него, могли бы быть такими же. Таким образом, присутствие праведника явилось судом и приговором его времени. Но оно же было и спасением его времени, потому что единственно благодаря ему Бог помиловал людей. Это же относится и к приходу Христа.

Есть и другой радостный момент в суде. Суд не есть нечто находящее на нас извне. Придет день, когда мы предстанем перед Богом и будем судимы, но пока наше странничество продолжается, пока перед нами лежит путь, ведущий нас к «мере полного возраста Христова» (Еф. 4:13) – а таково наше призвание, мы сами должны произнести суд над собой. На протяжении всей жизни в нас идет нескончаемый диалог. Вы помните притчу, где Христос говорит: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним» (Мф. 5:25). Некоторые духовные писатели видели в сопернике не дьявола, с которым, разумеется, никакого примирения, соглашения быть не может, а нашу совесть, которая всю жизнь сопутствует нам и ни на минуту не оставляет нас в покое. Она как бы ведет с нами непрерывный диалог, все время препирается с нами, и мы должны примириться с ней, иначе придет время, когда мы

предстанем перед Судьей, и тогда этот соперник выступит против нас обвинителем, и мы будем осуждены. Так что пока мы на пути, суд происходит в нас все время; это диалог, диалектический спор между нашими мыслями, эмоциями, чувствами, поступками и нашей совестью, которая, словно судья, стоит перед нами, и перед которой мы стоим, как перед судьей.

В этом отношении мы очень часто идем во тьме, и тьма эта является результатом помрачения нашего ума, помраченности нашего сердца, помраченности наших очей, и только когда Сам Господь прольет Свой свет в нашу душу, в нашу жизнь, мы можем вдруг увидеть, что в ней дурно и что правильно. Есть замечательное место в писаниях отца Иоанна Кронштадтского, где он говорит, что Бог не раскрывает нам уродство нашей души, пока не обнаружит в нас достаточно веры и надежды, чтобы мы не были сломлены зрелищем собственных грехов. Иными словами, когда мы прозреваем все, что в нас есть темное, когда это знание растет и мы все больше понимаем себя в свете Божиим, то есть в свете Божиего суда, это означает две вещи: это означает, конечно, что мы с горечью открываем собственное уродство, но также и то, что мы можем радоваться, потому что Бог одарил нас Своим доверием. Он даровал нам новое знание нас самих такими, какие мы есть, какими он всегда видел нас и какими, порой, не позволял нам увидеть себя, потому что мы не вынесли бы этого видения правды. И здесь снова суд оборачивается радостью, потому что, хотя мы и открываем то, что дурно, это открытие означает, что Бог увидел в нас достаточно веры, достаточно надежды и достаточно силы духа, чтобы позволить нам прозреть, потому что Он знает, что теперь мы в силах действовать. Все это важно, если мы хотим понять, что радость и духовный подвиг неотделимы друг от друга. Иначе постоянное и настойчивое усилие Церкви, слова Божиего открыть нам, что в нас дурно, может привести к отчаянию и омрачению ума и души. Если мы станем чересчур подавленными и падём духом, мы не в состоянии будем встретить Воскресение Христово с радостью, потому что тогда мы поймем, вернее, нам покажется, будто мы поняли, что оно

не имеет к нам никакого отношения. Мы во тьме, а Христос – свет. Мы увидим свое осуждение и приговор в тот самый момент, когда должны бы выйти из тьмы в Божие дело спасения, которое – и наше осуждение, и наше спасение.

Итак, первый шаг – познать себя. Грех есть разделенность внутри нас самих и разделенность по отношению к другим; и среди этих «других» нельзя забывать нашего незримого Ближнего, Бога. Поэтому первый шаг в нашей самооценке – измерить это состояние отпадения, отделенности. До какой степени расходятся мои сердце и ум? Направлена ли моя воля к единственной цели или беспрерывно колеблется? Насколько моими поступками руководят убеждения, и насколько они зависят от неуправляемых эмоций? Есть ли во мне цельность? И с другой стороны, насколько я отделен от Бога и от моего ближнего? Это противостояние между нами и ближним начинается в тот момент, когда мы самоутверждаемся, потому что в этот миг мы неизбежно дистанцируемся от другого и отвергаем его. Сартр не случайно сказал: «Ад – это другие». Но коль скоро мы исключаем другого, мы и сами оказываемся в плену безнадежного одиночества, так что в итоге тот же французский писатель сказал: «Ад – это мы сами». Подобное самоутверждение является признаком неуверенности, отсутствия полноты, а также мерой недостатка любви в нас, потому что любовь забывает о себе и утверждает любимых. Оно раскрывает неуверенность в устойчивости нашего бытия и нашу неспособность поверить в любовь других людей. Мы самоутверждаемся, чтобы быть уверенными, что наше существование признано, что самая наша сущность вне опасности, но при этом становимся ничтожно малыми и лишенными содержания, обыденными.

Когда же мы пытаемся оценить самую любовь или, вернее, то количество любви, что есть в нас, мы можем прийти к очень горьким открытиям. Многих ли мы любим? Двоих, троих, едва ли больше, если «любовь» значит, что другой человек для нас важнее, чем мы сами. И что наша любовь значит для них? Всегда ли наша любовь им в радость? Означает ли для них наша любовь освобождение, вызывает ли ответную любовь и

ликование? Не слишком ли часто бывает, что если бы жертва нашей любви осмелилась заговорить, она бы взмолилась: «Пожалуйста, люби меня поменьше, но дай мне чуточку свободы! Я пленник твоей любви; оттого, что ты любишь меня, ты желаешь определять все в моей жизни, ты хочешь на свой лад устраивать мое счастье. Если бы только ты не любил меня, я мог бы быть самым собой!» Разве это не случается довольно часто между родителями и детьми, между друзьями, между мужем и женой? Как дорого обходится наша любовь другим и как дешево нам самим; а ведь заповедь Христова гласит, что мы должны любить, друг друга, как Он возлюбил нас. Он полюбил нас до отдачи Своей жизни, мы могли бы начать с гораздо меньшего, чем отдача жизни, – мы могли бы начать с той заповеди, которую Христос дает наиболее эгоистичным из нас: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» (Мф. 7:12). Вы хотите быть счастливыми – стремитесь к этому, но по справедливости. Уделите своему ближнему ровно столько, сколько требуете для себя. Вы хотите счастья – дайте равную долю счастья; вы хотите свободы – дайте другим ровно такую же меру свободы. Вы хотите пищи – поделитесь пищей; вы хотите любви, бескорыстной и вдумчивой – проявите бескорыстную и вдумчивую любовь.

И кроме того, следует остерегаться того, что святой Иоанн Златоуст назвал «темной стороной бесовской любви». Очень часто любовь к кому-то оборачивается отвержением других людей, либо потому что в сердцах наших слишком тесно, либо потому что мы считаем своим долгом из чувства преданности одним ненавидеть других, тех, кого они называют своими врагами; но это не христианская любовь – и даже не человеческая любовь. Помню, как я был потрясен, когда в момент вторжения в Чехословакию встретил д-ра Громадку, одного из церковных руководителей этой страны. Я был знаком с ним много лет, и когда мы встретились, он сказал: «Передайте всем, кто любит нас, чтобы они не ненавидели наших захватчиков; те, кто ненавидит одних ради других, играют на руку дьяволу». Он принимал активное участие в сопротивлении, но знал, что истинная битва идет в сердцах людей, между

любовью и ненавистью, между светом и тьмой, между Богом и тем, кто «человекоубийца искони». Предпочесть одних и любить их, отвергать и ненавидеть других – все это, на какую бы сторону вы ни стали, лишь умножает в целом ненависть и тьму. А дьявол пользуется этим: ему безразлично, кого вы ненавидите; коль скоро вы ненавидите, вы открыли ему дверь, впустили его в свое сердце, ввели его в человеческие взаимоотношения. Любовь, которой учит нас Христос, несовместима с ненавистью к кому бы то ни было: мы должны уметь «узнавать Духа Божия и духа заблуждения»; пробным же камнем является смирение и самозабвенная любовь. А любовь охватывает и собственное «я», меня самого.

Мы должны научиться не только принимать нашего ближнего, но принимать и самих себя; мы слишком склонны считать, что все, что нам нравится в нас самих, является нашим истинным «я», а все, что нам самим и другим кажется уродливым, лишь случайно. Мое истинное «я» привлекательно; но обстоятельства пресекают мои лучшие намерения, извращают мои чистые побуждения. Тут стоит вспомнить строчки из переписки старца Макария Оптинского с одним петербургским купцом. Купец писал Макарию, что от него ушла прислуга и знакомые рекомендуют ему одну деревенскую девушку. «Следует ли мне ее нанять?» – спрашивает купец. «Да», – отвечает старец. Через некоторое время купец присылает новое письмо. «Отче, – пишет он, – позвольте мне ее уволить, это сущий бес. С той минуты, как она появилась в моем доме, я непрерывно злюсь и потерял всякое самообладание». И старец отвечает: «Ни в коем случае не выгоняй ее; это ангел, которого Господь послал тебе, чтобы ты мог увидеть, сколько в тебе таилось злобы, которую предыдущая служанка не сумела раскрыть в тебе». Так что не обстоятельства, словно тени, омрачают наши души, и не Бог виноват, хотя мы постоянно во всем попрекаем Его. Как часто мне приходится слышать от людей: «Вот мои грехи...» и тут же, переведя дыхание, они начинают длинную речь о том, что если бы Бог не послал им такую тяжелую жизнь, они, конечно, не грешили бы так много. «Разумеется, – говорят мне, – я неправ»,

но что я могу поделаться при эдаком зяте, при моем застарелом ревматизме, да после русской революции...» И сколько раз, перед тем как прочесть разрешительную молитву, я указывал, что примирение между Богом и человеком должно быть обоюдное, и спрашивал кающегося, готов ли он простить Богу все Его ошибки, весь вред, который Он попустил, все обстоятельства, помешавшие ему, доброму христианину, стать святым. Людям это не нравится, однако, до тех пор, пока мы не возьмем на себя всю полноту ответственности за то, как мы воспринимаем свою наследственность, жизненные обстоятельства, нашего Бога и самих себя, мы сумеем справляться лишь с крошечной частью своей жизни и самих себя. Если же мы хотим произнести правдивое и взвешенное суждение о самих себе, мы должны рассматривать себя как целое, во всей нашей целостности.

Кое-что в нас уже сейчас, пусть в зачаточном виде, принадлежит Царству Божию. Кое-что еще представляет хаос, место запустения, дикую пустыню. Нам надлежит напряженным трудом и вдохновенной верой превратить все это в райский сад. Как сказал Ницше, нужно носить в себе хаос, чтобы дать рождение звезде... И следует верить, что этот хаос может породить красоту и гармонию. Мы должны смотреть на себя трезво, но с прозрением художника, как тот рассматривал материал, вложенный Богом в его руки, из которого он создаст произведения искусства, неотъемлемую часть гармонии, красоты, истины и жизни Царствия. Произведение искусства определяется и прозрением художника, и свойствами имеющегося у него материала. Мы не можем безразборчиво воспользоваться каким попало материалом для любой цели; невозможно выточить из гранита тонкое распятие или сделать кельтский крест из греческого мрамора. Художник должен научиться распознавать особые свойства и возможности данного материала, чтобы вызвать к жизни всю скрытую в нем красоту. Подобно этому, каждый из нас должен научиться, под водительством Божиим и с помощью своих умудренных опытом друзей, распознавать в себе отличительные способности и свойства, как хорошие, так и дурные, чтобы, воспользовавшись

ими, создать в конечном итоге такое произведение искусства, каким является наша собственная личность. По слову святого Иринейя Лионского , «слава Божия, это полностью раскрывшийся человек».

Путь для достижения этого извилист, и порой ради того, чтобы создавать доброе, мы вынуждены опираться на то, что в дальнейшем придется искоренять. В жизни Махатмы Ганди есть весьма поучительный случай. В конце жизни его обвинили в непоследовательности. «В начале вашей деятельности, – говорили ему, – вы призывали докеров к забастовке, и лишь после того, как они победили, стали поборником непротivления». На это Ганди ответил очень мудро: «Эти люди были трусы; я сначала научил их насилию, чтобы преодолеть их трусость, а затем – непротivлению, чтобы преодолеть это насилие». Не был ли этот его реалистический подход мудрее и гораздо действеннее проповеди смирения и кротости людям, которые прикрыли бы этими святыми словами свое малодушие? Разве не правильнее было для их духовного роста привить им такие побуждения, которые они поймут, и точно знать, что каждый их шаг вперед реален? Иногда нам необходим какой-то толчок, который исходит из далеко не самых благих наших намерений, лишь бы в дальнейшем мы преодолели эту незрелость. Мартин Бубер в своих «Хасидских рассказах» приводит случай с человеком, который спросил раввина, как ему избавиться от праздных мыслей. «И не пытайся! – воскликнул раввин. – Других мыслей у тебя нет, и ты рискуешь остаться вообще ни с чем; постарайся приобрести одну за другой хоть несколько полезных мыслей, и они вытеснят праздные мысли». Это ведь очень близко по смыслу к притче о семи злых духах (Мф. 12,45).

Мы должны всем умом, вдумчиво, очень реалистично и трезво, с живым интересом взглянуть в тот самый сложный материал, который мы собой являем, чтобы распознать все его настоящие и будущие возможности. Но это требует мужества и веры. Быть может, вы помните глубоко трогательные слова юного святого Винцентаде Поль: «Боже, я слишком безобразен для людей, но может быть, Ты примешь меня таким?» Мы все

безобразны, но вместе с тем дороги Богу, Который верит в нас. Иначе разве пошел бы Он на риск вызвать каждого из нас к бытию, и не на время, а на всю вечность?

В каждый момент нашей жизни мы можем быть подлинными и реальными, если только решаемся на риск быть тем, что мы есть, а не пытаемся подражать чему-то или подгонять себя под заранее надуманный образ. Но наша истинная сущность не может быть открыта путем простого наблюдения над нашим эмпирическим «я», а только в Боге и через Него. Каждый из нас – образ Живого Бога, но этот образ напоминает старинную картину, поврежденную, вновь записанную или грубо отреставрированную, так что ее уже невозможно узнать. Но в ней все же сохранились какие-то черты подлинника, и специалист, тщательно ее исследовав, может, отпавляясь от того, что осталось в ней подлинного, расчистить всю живопись от позднейших записей. Апостол Павел советует нам найти себя во Христе и Христа в себе; вместо того, чтобы сосредоточиваться на том, что в нас дурно, безобразно и греховно, научиться видеть, что в нас уже Богообразно, и, обнаружив это, оставаться верным нашему подлинному и лучшему «я». Вместо того, чтобы без конца задаваться вопросом: «Что во мне дурно?», не лучше ли спросить себя: «В чем я уже подобен Богу? Благодаря чему я в гармонии с Ним? Какой путь я уже прошел к «мере полного возраста Христова?». Не будет ли это большим вдохновением в нашем устремлении к совершенству?

Заботы, тревоги, страхи и желания обступают нас со всех сторон, и такое смятение у нас в душе, что мы почти не живем внутри себя – мы живем вне себя. Мы настолько сбиты с толку и одурманены, что требуется прямое Божие вмешательство или продуманная дисциплина, чтобы мы пришли в себя и пустились в тот путь внутрь, которым мы пройдем сквозь себя к Самому Богу. Бог непрестанно призывает нас. Он пытается открыть двери нашей внутренней кельи. Его любовь, мудрая, дальновидная, порой может показаться нам безжалостной. Ангел-хранитель Ермы говорит ему: «Не бойся, Ерма, не оставит тебя Господь, пока не сокрушит или сердце твое, или

кости твои!» Мы редко осознаем Божию милость, когда она проявляется через болезнь, тяжелую утрату или оставленность, а вместе с тем как часто только таким путем Бог может положить конец внутренней и внешней суете, которая уносит нас, словно поток. Как часто мы восклицаем: «Ах, был бы у меня хоть краткий период покоя; ах, помогло бы мне что-нибудь осознать, что в жизни есть величие, что вечность существует!» И Бог посылает нам такие моменты, когда нас внезапно настигает болезнь или несчастный случай; но вместо того, чтобы понять, что настало время опомниться, задуматься и обновиться, мы отчаянно боремся за то, чтобы как можно быстрее вернуться к былому состоянию, отвергая дар, скрытый в этом действии Божиим, которое страшит нас. А когда приходит большое горе, вместо того, чтобы вырастать в полную меру жизни и смерти, мы полностью погружаемся в самих себя, предаемся саможалению и теряем из вида вечность, в которую могли бы вступить вместе с Тем, Кто, по слову апостола Павла, ныне облекся вечностью.

Однако и способность использовать дарованные Богом обстоятельства требует внутренней и внешней дисциплины и просвященной веры, способной распознавать путь Божий. Такое прозрение вовсе не означает, что мы вправе возложить именно на Бога ответственность за все дурное, что происходит в мире. Согласно древнему христианскому учению, три воли ведут борьбу за судьбы мира: Божия воля, мудрая, полная любви, свободная, всемогущая, неизменно терпеливая; воля сатаны и сил тьмы, всегда злая, однако не имеющая власти над душами человеческими; и воля падшего человека, неустойчивая, колеблющаяся между зовом Божиим и обольщением дьявола, наделенная страшной властью свободного выбора между Богом и Его соперником, между жизнью и смертью, между добром и злом.

Когда мы думаем о духовной дисциплине, мы обыкновенно думаем в категориях правил жизни, умственных правил, молитвенных правил, цель которых – тренировка в том, что представляется нам образцом настоящей христианской жизни. Но если посмотреть на людей, подчинивших себя строжайшей

дисциплине такого рода, если самим сделать попытки в этом направлении, мы обычно видим, что результаты оставляют желать лучшего. Обычно это происходит потому, что мы подменяем цель средствами, мы настолько сосредоточиваемся на средствах, что никак не достигаем цели, вернее, достигаем очень малого, не стоившего стольких усилий. Мне кажется, это следствие непонимания того, что такое духовная дисциплина и в чем ее цель.

Мы должны помнить, что дисциплина – не муштра. Слово «дисциплина» связано со словом *discipulus*, ученик. Дисциплина это состояние ученика, его положение по отношению к учителю и к тому, что он изучает. Если попытаться понять, что значит ученичество на деле, когда оно приводит к дисциплине, мы обнаруживаем следующее. Прежде всего, ученичество означает искреннее желание учиться, решимость научиться любой ценой. Ясно, что слова «любой ценой» могут означать для одного человека гораздо больше, чем для другого. Все зависит от рвения, убежденности или от устремленности к научению. И однако для каждого конкретного человека это происходит «любой ценой». Не так часто находишь в своем сердце искреннее желание учиться. Как правило, мы готовы учиться сколько-то, при условии, что от нас не потребуются слишком уж больших усилий, а конечный результат оправдывает их. Мы не уходим в учение всецело, неразделенным сердцем, и в результате часто не достигаем того, чего могли бы достичь. Поэтому, если мы хотим с пользой стать учениками и научиться дисциплине, которая принесет плоды, первое условие – цельность устремлений. Но дается это нелегко.

Мы также должны быть готовы заплатить цену ученичества. Ученичество никогда от начала до конца не дается даром; это постепенное преодоление всякой самости ради того, чтобы вырасти в единство с чем-то более великим, чем наше «я», что в конечном итоге вытеснит нашу самость, завладеет и станет всем в нашей жизни. В опыте ученичества всегда наступает момент, когда на ученика нападает страх; он видит впереди смерть, с которой должно столкнуться его «я». Позднее окажется, что это не смерть, это жизнь – большая, чем его

собственная. Но каждый ученик должен сначала умереть, чтобы возвратиться к жизни. Для этого требуется решимость, мужество, вера.

А раз так, ученичество начинается с безмолвия и слушания. Когда мы слушаем кого-нибудь, нам кажется, что мы молчим, потому что не произносим слов; но ум наш непрерывно работает, наши чувства живо откликаются, наша воля соглашается или не соглашается с тем, что мы слышим; более того, сколько мыслей и чувств, не имеющих никакого отношения к слушаемому, роится в нашей голове. Не такое безмолвие предполагается при ученичестве. Настоящее безмолвие, к которому мы должны стремиться как к исходной точке, это полный покой ума, сердца и воли, полный покой всего, что есть в нас, включая и тело наше, чтобы мы могли в полноте воспринимать услышанное слово, быть – все внимание и одновременно в полном покое. Безмолвие, о котором я говорю, это безмолвие часового на посту в минуту опасности; он весь – внимание, замер в напряжении, чутко прислушивается к каждому шороху, каждому движению. Чуткое безмолвие – вот что прежде всего необходимо при ученичестве, а оно не дается без усилий. Оно требует от нас воспитания внимания, воспитания тела, воспитания ума и чувств, чтобы мы владели ими полностью и совершенно.

Цель этого безмолвия – уловить то, что нам будет предложено: слово, которое прозвучит в тишине. И мы должны быть готовы услышать это слово, каково бы оно ни было. Это требует нравственной и интеллектуальной цельности, потому что часто мы слушаем в надежде услышать то, что нам хочется, и готовы, услышав не те слова, которых мы ожидали, в любой момент либо выключить ум или внимание, чтобы не слышать; либо пустить в ход нашу злосчастную способность ложно понимать и ложно истолковывать, вернее, понимать по-своему то, что говорится по-Божьи. Здесь опять-таки очень важно воспитание нравственной и интеллектуальной цельности. Приобретая ее, мы, слушая, услышим; мы можем слышать смутно или ясно, мы можем услышать все, что нам необходимо знать, или, на первых порах, лишь самое основное, что

позволит нам лучше направлять внимание, узнать больше о безмолвии и слушании. Но чтобы слышать, мы должны быть готовы принять любое обращенное к нам слово; чтобы понимать, мы должны быть готовы сделать все, что ни повелит Бог.

Это приводит нас к следующей ступени в процессе обучения духовной дисциплине. Если мы будем лишь с интересом слушать, но не исполнять то, что нам говорится, очень скоро мы перестанем что-либо слышать. Бог не обращается к нашему уму и сердцу, если не встречает с нашей стороны преданности и послушания. Бог говорит раз, говорит и два, как сказано в Ветхом Завете, а потом, по слову одного современного писателя, с грустью отходит, пока мы не взалчем Его, не взалчем истины, взалчем достаточно, чтобы принять всякое слово, которое есть Хлеб Жизни. На пути духовной дисциплины исключительно важное значение имеет решимость исполнить.

Когда Господь говорил с учениками и с окружавшими Его людьми, Он не излагал какое-то общее учение, которое обязательно воспринималось всеми в его полноте. Часть Его учения была обращена ко всем, но некоторые слова Христа, переданные в Евангелии, предназначались конкретному человеку в конкретных обстоятельствах. Этот человек должен был принять их как слово Божие, потому что они были сказаны лично ему. Другие люди в толпе могли и не найти в них ответа на свой вопрос. Чтобы стать исполнителями воли Божией, мы должны, читая Евангелие, быть особенно внимательными к тем местам, которые в первую очередь обращены к нам лично. В Евангелии есть места, которые мы понимаем разумом; есть места, которых мы не понимаем. Есть места, против которых мы восстаем; есть места, от которых, по словам апостола Луки, сердца наши горят в нас. Вот эти слова, эти места, образы и заповеди обращены непосредственно к нам. Можно считать, что в данном случае Господь и мы думаем одинаково и понимаем друг друга. Эти слова Христа говорят нам о том, что мы уже знаем по собственному опыту, и они-то и есть абсолютные заповеди. Этих слов мы никогда не должны забывать. Мы

должны непрерывно применять эти слова в нашей жизни. Если мы этого не делаем, мы разрываем взаимные отношения со Христом, отворачиваемся от Него, отвергаем бремя и иго Его ученичества.

Делание, исполнение воли Божией – это дисциплина в высшем смысле слова. Это также и пробный камень нашей преданности, нашей верности Христу. Только путем тщательного делания на каждом шагу, изо всех сил, как можно совершеннее, со всей нравственной цельностью, призвав на помощь ум, воображение, волю, способности, опыт, мы можем постепенно научиться быть твердо и действительно послушными Господу и Богу. Иначе наше ученичество – иллюзия; а вся дисциплина жизни, когда она превращается в свод самовольно установленных правил, которыми мы услаждаемся, благодаря которым становимся гордыми и самодовольными, – бесполезна, потому что существеннейшим моментом ученичества является способность в этом процессе безмолвного слушания отказаться от своего «я», позволить Христу стать нашим умом, нашей волей и нашим сердцем. Пока мы не отвергнем себя и не воспримем Его жизнь вместо собственной, пока мы не стремимся к тому, что апостол Павел определяет словами: «не я живу, но живет во мне Христос,» ([Гал. 2:20](#)) – мы никогда не научимся дисциплине и не станем учениками.

Это усилие, которое позволяет нам преодолеть собственное «я», убить в себе ветхого Адама, чтобы дать жизнь Новому Адаму, совершается не только действиями, исполнением евангельских заповедей. Один из писателей ранней Церкви, Марк Подвижник говорит, что никто не может считать, что действительно исполнил волю Божию, если он эту волю не исполнил прежде в сердце – потому что измениться должно сердце человеческое, внутренний человек. Мы призваны не подражать Христу внешне. Мы призваны внутренне стать тем, что Он есть, приобщиться Ему жизнью, жить общей с Ним жизнью в мистическом теле, каковым является Его Церковь. Поэтому мы должны победить ветхого Адама в мыслях, в сердце и в воле. В воле мы побеждаем ветхого Адама, поступая в соответствии с требованиями Евангелия; но борьба в нашем

уме и в сердце гораздо глубже и труднее. Мы должны достичь такого изменения своего ума и сердца, чтобы у нас был «ум Христов», путем размышления над Евангелием должны стараться всей цельностью ума постичь, что говорит Господь – в полноте истины, а не то лишь, что мы хотели бы от Него услышать; должны путем стремления к нравственной цельности увидеть, что эти слова Божии судят нас и ведут к большей мере истины.

Это относится и к выбору молитвенных слов. Мы часто задаемся вопросом: зачем молиться словами, отчеканенными другими людьми? Разве мои собственные слова не выражают в точности то, что у меня на сердце и на уме?.. Этого недостаточно. Ведь мы стремимся не просто к лирическому выражению того, что мы есть, что узнали, чего желаем. Подобно тому, как мы учимся у великих музыкантов и художников пониманию музыкальной и художественной красоты, точно так же мы учимся у наставников духовной жизни, которые достигли того, к чему мы стремимся, которые действительно стали живыми и подлинными членами Тела Христова; у них мы должны учиться, как правильно молиться, как найти тот настрой, то состояние ума, воли и сердца, что сделает нас христианами. Это опять-таки акт отречения от себя: позволить чему-то более великому, более истинному, чем наше «я», вселиться в нас, формировать, вдохновлять и направлять нас.

Вот основные элементы духовной дисциплины. Это дорога, путь, на котором мы открываем себя Христу, Божией благодати. В этом вся дисциплина, все, что мы можем сделать. А Бог в ответ на этот наш подвиг дарует нам Свою благодать и доведет нас к полноте, исполнению. Мы склонны думать, что нашей целью является возвышенная, глубокая мистическая жизнь. Но не к этому нам следует стремиться. Мистическая жизнь – это дар Божий; сама по себе она – не наше достижение, еще менее она является выражением нашей преданности Богу. Мы должны стремиться в ответ на Божию любовь, явленную во Христе, стать истинными учениками, посвятив себя в жертву Богу; с нашей стороны именно подвиг наиболее полно выразит нашу лояльность, верность и любовь. Это мы должны принести Богу,

а Он, как обещал, исполнит остальное: «Сын Мой, отдай сердце твое Мне» (Притч. 23:26); Я исполню все остальное...

Теперь мы готовы к пути; готовы продумывать уже пройденную его часть, уже накопленный опыт и то, что нам еще предстоит. Жизнь каждого из нас должна в некотором смысле уподобиться поиску Грааля. Примем для этого «всеоружие Божие, дабы мы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станем, перепоясав чресла наши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмем щит веры... и шлем спасения,... и меч духовный, который есть Слово Божие» (см. Еф.6, 13–17).

Мы последуем тропой, проторенной веками христианских паломничеств; вехами на пути наших размышлений послужат отрывки Евангелия. К концу нашего путешествия мы должны стать способными настолько забыть себя, что мы сможем обрести превосходящее нас видение; оно-то и есть путь к полному доверию, которое единственно и может подвести нас к истинному обращению, повороту к Богу, к началу новых личных взаимоотношений с Ним, к возвращению домой.

Путешествие

Рассказ о Вартимее

«Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множествам народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! Помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге» (Мк. 10,46–52).

Думаю, что одна из причин, которая мешает нам быть самими собой и найти собственный путь, заключается в том, что мы не сознаем, насколько мы слепы! Если бы только мы знали о своей слепоте, как бы горячо мы искали прозрения. Мы искали бы его от людей, от врачей, от священников, от целителей, как искал его, вероятно, Вартимей. А потом, потеряв всякую надежду «на князи, на сыны человеческие» (Пс. 145:3), в которых нет спасения, мы, возможно, обратились бы к Богу. Но трагедия в том, что мы не осознаем своей слепоты; слишком многое перед нашим взором заслоняет нам невидимое, к которому мы незрячи. Мы живем в мире вещей, которые требуют внимания и всячески утверждают сами себя: они не нуждаются в нашем утверждении – они здесь. Невидимое не утверждает себя – мы должны его найти и открыть для себя. Внешний мир настойчиво требует нашего внимания; Бог обращается к нам несмело. Помню, старый монах говорил мне: «Дух Святой – как большая робкая птица, присевшая невдалеке. Видя Ее приближение, не двигайся, не спугни Ее, дай Ей подойти к тебе». Вспомним сошествие Святого Духа в виде голубя. Образ слетающей птицы, пугливой и в то же время готовой отдаться в руки, взят из Священного Писания и полон

значения. Правда, один японец как-то сказал мне: «В христианской религии мне, пожалуй, понятна роль Отца и Сына, но я никак не уловлю значения Достопочтенной Птицы».

Оставаясь в области символических изображений застенчивого сердца, которое отдается безраздельно, но никогда не продается, вспомним «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери. Лисенок объясняет Маленькому принцу, как приручить его: надо быть очень терпеливым, сесть чуть поодаль, тихонько глядеть краем глаза и ничего не говорить – слова только ведут к недоразумениям. И каждый день садиться чуть ближе – и так они станут друзьями. Поставьте на место лисенка Бога, и вы уловите, что такое любящая целомудренная робость, застенчивость, которая предлагает себя, но не продается. Бог не принимает поверхностно-вежливых отношений и не навязывает Своего присутствия. Он его предлагает, но принять его можно именно только так: два застенчивых любящих сердца робко и несмело ищут друг друга с глубоким взаимным уважением, потому что оба признают святость и необычайную красоту взаимной любви.

Внешний мир утверждает себя. Внутренний мир можно ощутить, но он не старается привлечь к себе внимание. Следует продвигаться чутко и осторожно. За внутренним миром следует наблюдать, как наблюдают птиц. Для этого выбирают место в лесу или в поле, где тишина исполнена жизни; наблюдающий тоже замер без движения, но чуток и внимателен. Такое состояние настороженности, позволяющее нам улавливать то, что иначе ускользнуло бы от внимания, можно передать словами детского четверостишия:

В лесу жила-была премудрая сова.

Преостро видя все, скупилась на слова;

Скупясь же на слова, все слышала и знала.

Ах, если бы она для нас примером стала!

Мы ослеплены миром вещей и забываем, что он мелок, лишен той глубины, какой наделен человек. Человек и ничтожен, и велик. Когда мы видим себя в масштабах все расширяющейся вселенной – безгранично большой или бесконечно малой – мы ощущаем себя ничтожной и хрупкой

пылинкой; но стоит нам обратиться внутрь себя – и мы обнаруживаем, что всей этой необъятности не достанет, чтобы заполнить нас до краев. Весь тварный мир, словно песчинка, исчезает в глубинах нашего существа: мы слишком необъятны, чтобы он мог заполнить, преисполнить нас. Это может сделать только Бог, Который сотворил нас для Себя, в Свою меру. По слову Ангелиуса Силезиуса: «Я столь же велик, как Бог; Бог так же мал, как я».

Мир вещей непрозрачен, он обладает плотностью, весом и объемом, но лишен глубины. Нам доступна сердцевина любых вещей, но когда мы достигли их глубин – это конечная точка, через нее нет пути к бесконечности: центр шара является его глубинной сердцевиной, но если мы попытаемся пройти насквозь, то вернемся на поверхность с противоположной стороны. Священное Писание говорит о глубине человеческого сердца. Это не такая глубина, которую можно измерить; безмерность составляет самую ее природу, она превосходит всякие пределы. Эта глубина коренится в безмерности Самого Бога. Только когда мы поняли разницу между присутствием, навязывающим себя, и присутствием, которое нам приходится искать, потому что мы ощутили его в своем сердце, только когда мы поняли разницу между тяжелой, непрозрачной плотностью окружающего нас мира, и глубиной человека, которую может заполнить лишь Бог – и я бы сказал: глубиной всей твари, призванной быть вместилищем Божиего присутствия, когда, по завершении всего, Бог будет все во всем, – только тогда можем мы начать поиск, в осознании нашей слепоты, нашей ослепленности видимым, мешающим нам постичь невидимое.

Быть слепым по отношению к невидимому, воспринимать только осязаемый мир означает, что мы лишены полноты знания, опытного знания истинной реальности: того, что мир – в Боге и Бог – в сердцевице мира. Слепой Вартимей это мучительно осознавал, потому что из-за его физической слепоты видимый мир был ему недоступен. Он мог воззвать к Господу из глубины отчаяния, со всей силой отчаянной надежды, которую он ощутил, когда спасение проходило мимо него, потому что чувствовал себя отверженным. Мы слишком

часто неспособны воззвать к Богу подобным образом, потому что не осознаем, насколько из-за нашей слепоты нам недоступно истинное видение – видение, которое могло бы придать абсолютную реальность самому видимому миру. Если бы только мы умели стать слепыми по отношению к видимому, чтобы увидеть за ним глубину, увидеть в нас самих и вокруг нас – невидимое, пронизывающее все и вся!

Слепота бывает разная. У святых – не у нас! – она может быть следствием видения слишком яркого света. Святой Симеон Новый Богослов, говоря о Божественном Мраке, разъясняет, что это избыток света столь ослепительного, что тот, кто раз увидел его, лишается зрения. Бывает слепота, когда смотрят и не видят. Толстой в «Войне и мире» описывает, как Пьер Безухов смотрит в огромные красивые глаза Элен и видит в них только самого себя, без всяких недостатков, каким она (дурочка) видела его. Он взглянул в ее глаза и увидел только себя – и совершенно проглядел ее! С нами случается то же, даже в мире вещей; например, в зависимости от того, как мы направляем взгляд, глядя в окно, мы можем увидеть либо собственное отражение, либо оконное стекло, либо вид из окна. Мы можем глядеть безразличным взглядом, как прохожие глядели на Вартимея. Можем глядеть жадными глазами диккенсовского обжоры, который при виде пасущихся в поле коров, думает лишь: «Ходячая говядина!» Можем видеть ненавидящими глазами, и тогда мы становимся ужасно проницательными, но бесовской проницательностью: мы видим только зло, превращаем все в отвратительную карикатуру. Мы можем видеть и любящими глазами, чистым сердцем, способным прозреть Бога и Его образ в людях; даже в тех, в которых образ Его потускнел, мы можем, сквозь внешние напластования, вопреки кажущейся очевидности, видеть истинную, сокровенную сущность человека. Как говорит лисенок Маленькому принцу: «По-настоящему можно видеть только сердцем; главное невидимо для глаз».

Мы должны признать, что не осознаем всей глубины вещей, их необъятности, призвания всего мира к вечности, что бываем способны уловить это лишь постольку, поскольку благодаря

некоему зачаточному опыту уверены, что внутренний мир существует. Только через веру мы можем утвердиться в уверенности, что невидимое реально, рядом с нами и стоит того, чтобы искать его за видимым, проходя сквозь видимое к самой его сердцевине. Этот акт веры означает, что мы принимаем свидетельство тех, кому доступен невидимый мир, пусть даже мы примем это за рабочую гипотезу, хотя бы временную, но которая позволит нам искать дальше. Вне этого ничего не сделать: невозможно отправиться на поиски невидимого, если а priori мы уверены, что оно не существует. Мы можем принять свидетельство людей, и не одного-двух, а миллионов христиан, и не-христиан тоже, которые на протяжении истории опытно познали невидимое и засвидетельствовали его реальность.

Затем, думаю, нам следует расширить поле зрения и общее представление о жизни. Мне кажется, мы еще и сегодня пребываем в заблуждении, будто все иррациональное непременно сомнительно. А вместе с тем психологи открыли нам целый мир иррационального, имеющий решающее значение для внутренней жизни человека. Говоря «иррациональное», я не имею в виду «неразумное». Существует, например, множество оттенков человеческой любви; дружба, родственные чувства, любовь, выделяющая из множества людей того единственного, кто нам дороже всех, благодаря кому весь мир вдруг перестраивается для нас. Один из греческих отцов говорит: «Пока юноша не встретит и не полюбит ту, которая станет его невестой, он окружен мужчинами и женщинами; как только он находит свою любовь, для него существует **она**, а все остальные просто люди». Подобное переживание, столь яркое, сложное и всеобщее, относится к области иррационального, в том смысле, что его нельзя создать рассудочным путем: любовь не есть итог оценки всех «за» и «против». Это непосредственное переживание, встающая перед нами несомненность, слишком глубокая, чтобы мы могли ее описать в рассудочных категориях. То же самое относится и к опыту, переживанию красоты, будь то в музыке или в изобразительном искусстве, воспринятой слухом или зрением. Не сумма доводов

заставляет нас восхищаться произведением искусства. Если мы хотим поделиться с кем-нибудь собственным переживанием красоты произведения музыки, скульптуры, архитектуры или живописи, мы пригласим его словами Христа, которые Он произнес, обращаясь к первым ученикам: «Пойдите и увидите». Мы ведь не станем говорить: «Сначала я объясню тебе, насколько это прекрасно, а когда ты усвоишь мои слова, тогда можешь сходить и сам посмотреть».

В этом зачаточном опыте любви и красоты мы вдруг оказываемся лицом к лицу с кем-то или с чем-то, чего, возможно, годами не воспринимали, даже не замечали; и вдруг по какой-то необъяснимой причине мы видим то, мимо чего проходили раньше. Юноша и девушка могут принадлежать какому-то кругу людей; и вдруг в какой-то день они видят друг друга? Что-то случается, словно солнечный луч падает на цветной витраж в окне. Пока нет солнца, стекло выглядит перекрещением темных линий на сероватом фоне. И вдруг оно освещается и сразу обретает красоту, содержание, смысл. Теперь видно, что это витраж. Солнечный луч недолговечен, он может погаснуть через миг или к концу дня, но тот, кто увидел окно освещенным, знает теперь, что это не серое пятно, а цветное окно, ставшее невидимым. Уверенность, которая сильнее очевидности – это мы и называем верой. Я знаю, что красота, которую я увидел, есть, хотя и кажется, будто она угасла.

Если я хоть раз увидел это окно, его можно рассматривать с двух точек зрения. То, что мы открыли благодаря окну, имеет двоякий характер: откровение об окне дается солнечным лучом, осветившим его, но и само окно делает возможным откровение солнечного луча, который иначе остался бы невидим. Двое людей встречаются и видят один другого как бы осиянными изнутри, в свете Божией благодати взаимно открывают друг друга во всей своей истинной славе, какими Бог видит их. Потом, когда сияние померкнет, они могут сохранить в себе уверенность в увиденном и помнить, что это видение было дано только благодаря тому, что Бог осветил их глубины и явил их. Но чаще, увидев кого-то в великолепии этой славы, мы

забываем о видении, которое было даровано нам потусторонним светом, и безрассудно полагаем, что вся красота принадлежит самому человеку. Витраж становится идолом, откровение – непрозрачной стеной, за которой ничего не видно. Как это мимолетное видение может затем превратиться в идолопоклонство под названием страстной любви – хорошо известно; описаниями этого полна всемирная романтическая литература.

Пока мы не поймем, что должны сохранить дарованное нам видение во всем богатстве двустороннего соглашения, связи, пока мы превращаем в идола все, что Бог отрывает нам в области человеческой и художественной красоты, мы будем превращать то, что могло бы стать возможностью для откровения, в повод ослепнуть, потому что подменяем свою возлюбленную идолом или, увидев дерево на фоне неба во всей его дивной, прежде не воспринятой красоте, начинаем поклоняться дереву, вместо того чтобы охватить полноту вещей и событий, благодаря которой нам открылось то, что раньше ускользало от нашего взгляда. Поступая так, мы никогда не познаем нового измерения даже в самом простом, естественном человеческом плане, мы будем все еще жить в двух измерениях времени и пространства. Мы должны принять опыт любви с предельной полнотой, беречь и открывать красоту вещей и людей. И тогда, открыв в этом плане измерение, которое превосходит разум, которое можно исследовать, но нельзя выдумать, мы станем много ближе к возможности откровения о Боге.

В тот момент, когда мы осознали, что слепы и, следовательно, находимся вне Царствия, мы можем занять по отношению к Царствию и к Богу реальное положение – а не то вымышленное, в которое все время ставим себя, когда мы, находясь вне, воображаем себя в райских обителях и пытаемся согреться у огня, который пылает за закрытой дверью. Время от времени нам удастся прикоснуться к жизни, которая для нас еще недостижима, и мы воображаем, будто крошечная искорка, зажегшаяся в нас, это и есть все Царство Божие. Но это еще не Царство, это лишь реальный залог вечной жизни, обещание,

призыв, зароненный в нас для того, чтобы мы не теряли надежду, оказавшись там, откуда Евангелие велит нам начинать: перед все еще закрытой для нас дверью, в которую мы стучим без устали, пока она не откроется. Мы должны стоять перед еще не постигнутой тайной и взывать, вопиять к Богу, всеми силами искать путь, пока он не разверзнется перед нами прямой стезей к небу; мы должны стоять в непоколебимой уверенности, что наступит мгновение, когда Бог исполнит нашу молитву. Я намеренно не говорю «услышит», потому что мы всегда услышаны, хотя нам не всегда дается ощутимый ответ. Бог не глух к нашим молитвам, но мы сами не всегда в состоянии понять Божие молчание в ответ на наш зов. Если бы мы осознали, что находимся перед закрытой дверью, мы могли бы измерить и наше человеческое одиночество, и то, насколько мы еще далеки от радости, к которой призваны, от полноты, которую Бог предлагает нам. И вместе с этим мы могли бы оценить – и это очень важно – как мы богаты, несмотря на бесконечную нашу нищету. Мы так мало знаем об области Божественной, так мало живем в Боге, а вместе с тем, какое богатство дается нам в этой искорке Присутствия, познания, причастия, сияющей в сердцевине собственных наших потемок! Если тьма столь богата светом, если отсутствие столько богато и насыщено, если всего лишь занимающаяся заря жизни – такая полнота, то с какой надеждой, с какой нарастающей радостью можем мы стоять перед этой закрытой дверью в счастливом сознании, что когда-то она откроется, и мы познаем такой переизбыток жизни, какого вместить пока еще неспособны. Не следует всегда искать ощутимого присутствия Бога; не следует надеяться, что в каждый момент Бог откроется нам явным образом. Евангелие дает нам целый ряд примеров, которые показывают, как далеки мы от понимания святости и величия Божиего, как недостаточно мы дивимся Богу. Нам кажется естественным добиваться Его присутствия, тогда как на самом деле нам следует с робкой надеждой на невозможное молить Бога преобразить и обратить нас, прежде чем мы сможем надеяться предстать перед Ним в благоговейном трепете, потому что каждая встреча с Богом в той или иной степени есть

уже Страшный суд: встреча лицом к лицу с Живым Богом – событие важнейшее, решающее. Встреча с Богом всегда «кризис», а по-гречески слово «кризис» означает «суд». Мы можем, представ перед Богом, оказаться либо осужденными, либо оправданными, в соответствии с тем, что несем в своем сердце и о чем свидетельствует наша жизнь. Вот почему ветхозаветные пророки (можно привести не один пример) сокрушенно восклицали: «Увы, мне! Я видел Бога, – я должен умереть...» Это больше, чем может вынести человеческая душа, если только душа человеческая, человек не был привит к жизни Самого Бога во Христе.

Безрассудно искать преждевременной встречи. Поэтому все учение Православной Церкви о молитве и о поведении в жизни гласит: «Не ищите никакого мистического опыта; в благоговейном поклонении просите Бога, со всем доступным вам вниманием и верой, со всей силой надежды и устремленности, чтобы Он изменил вас, сделал такими, чтобы «когда-нибудь» вы могли встретиться с Ним». Это учение глубоко коренится в Евангелии: вспомните чудесный улов рыб. Петр принял Христа в лодку, Христос учил толпы народа в его присутствии, и все-таки Петр не постиг величия Иисуса. Господь велит ученикам отплыть на глубину и закинуть сети. Петр отвечает: «Мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть» (Лк.5:5) Он закидывает сеть и не может ее вытащить! Он просит помощи у тех, кто находится в другой лодке, и только тогда осознает – и то не до конца, пока Сам Бог не открывает ему, что Христос – Сын Бога Живого, что он находится в присутствии чего-то, вернее, Кого-то, Кто выше его, Петра, разумения. Его охватывает благоговейный ужас, он припадает к ногам Иисуса и восклицает: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5:8) В этот момент он интуитивно почувствовал величие Того, Кто находился среди них, и, зная, каков он сам, попросил Его удалиться.

Часто ли нам случается в момент углубленной молитвы, в момент, когда мы «чуем» Бога, Его святость, Его величие, сказать ему: «Выйди от меня Господи, я недостойн близости, которую ты являешь»? Не пытаемся ли мы чаще принудить Бога

к близости, которой Он не искал, навязать себя Ему, силой ломимся в дверь, которую Он стремится держать закрытой? «Я приду и исцелю его» – говорит Иисус. «Нет», – отвечает сотник, – «не трудись, Господи» (ибо и я подвластный человек, но, когда приказываю слуге, он исполняет мою волю), «но скажи... слово и выздоровеет слуга мой» (Мф. 8–8). Разве таково наше отношение? Разве мы настолько чутки к Богу, что не хотим понуждать Его прийти? Достаточно одного слова, большего не требуется. Утверждаем ли мы Его державную свободу и поклоняемся ли с благоговением Его величию? Знаем ли мы из внутреннего убеждения, что Его слово жизнь для тех, к кому оно обращено? Если бы только мы осознавали, что из-за своей слепоты мы остаемся вне Царствия, вне Присутствия, мы смогли бы стучать в дверь, искать путь, взывать к Господу, а не требовать: «Сейчас же открой, я устал ждать, явись сразу передо мной, я слишком долго ждал Тебя!» А ведь именно так мы постоянно и поступаем. За сутки мы едва выкраиваем полчаса, чтобы уделить их Господу, и еще удивляемся, что в тот миг, когда мы произносим: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» – нам тут же не раскрывается все величие Святой Троицы!

Чрезвычайно важно нам понять, как далеки мы от Царствия, и вместе с тем, как щедро мы уже сейчас одарены Его присутствием благодаря свету, сокрытому в наших потемках. Сами сокрытые у нас возможности – это уже вдохновение, уже путь, уже надежда. Нам вовсе не следует спешить, но очень важно быть до конца реальными, занять по отношению к Богу и к окружающему нас миру верное, именно собственное положение, изнутри которого Бог может действовать. Потому что Он не может действовать в нереальной ситуации, куда мы без конца попадаем, поддаваясь по слову подвижников пустыни, воображению, фантазии, желаниям и духовной жадности.

И тогда для нас разрешится одна проблема; и та сторона молитвы, которая составляет муку нашей жизни, станет творческим актом, исполненным смысла: мы станем молиться с чувством богооставленности, что мы так редко делаем от всего

сердца! Как мы сетуем на эту оставленность, но как не умеем пользоваться ею, чтобы стать более реальными и сказать: «Я слеп, я стою у двери, на холоде, во тьме, не потому что я во «тьме внешней», отверженный Божиим судом, а подобно тому, что описывается в начале книги Бытия как момент, когда Бог творил все, изводя свет из тьмы; и то, что я называл светом вчера, сегодня всего лишь сумерки». Мы сможем молиться в состоянии богооставленности, зная, что Бог здесь, но я слеп, бесчувственен, и лишь действием Своего бесконечного милосердия Он не является мне, пока я еще не в силах вынести Его приход.

Если мы взглянемся вглубь темного лабиринта нашего сердца, нашего сознания, нашего прошлого и настоящего, наших устремлений в будущее, сможем ли мы сказать, что готовы к встрече с Богом? Осмелимся ли желать ее? Да, но только в удобное Богу время, когда Он Сам дарует ее; добиваться же ее силой, понуждать Бога к такой встрече – нет! Это превосходит то, что мы можем вынести. Но не так ли мы поступаем, ослепленные видимым, незрячие перед повергающим в трепет величием Невидимого, лишенные чувства изумления, благоговейного страха, того видения, которое дается лишь верой, смиренного ощущения прикосновения к «краю ризы Христовой»?.. Если бы только мы могли оценить с благодарностью Богу Его отсутствие! Оно учит нас стучать в дверь и испытывать наши мысли и сердце, продумывать наши поступки, правильно оценивать порывы всего нашего существа, спрашивать себя, действительно ли воля наша целиком направлена к Богу или мы обращаемся к Нему лишь в надежде на мимолетное облегчение и готовы через миг, как только получим подкрепление, забыть о Нем и, подобно блудному сыну, вновь приняться расточать силы, которые Он даровал нам.

Все это очень важно, потому что пока наша исходная точка не будет реальна, пока мы не осознаем истинную природу вещей и не примем их, как дар Божий, в ответ на положение, в котором находимся, мы будем тщетно пытаться взломать дверь, которая однажды откроется сама. Святой Иоанн Златоуст

говорит: «Найди ключ к собственному сердцу, и увидишь, что он же открывает дверь в Царствие». В этом направлении и следует устремить наши поиски.

Рассказ о Закхее

«Потом Иисус вошел в Иерихон и проходил через него. И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать и говорили, что Он зашел к грешному человеку; Закхей же, став, сказал Господу: Господи! Половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздал вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19, 1–10).

Я хотел бы выделить в истории с Закхеем три момента, особо подчеркнув один.

Закхей страстно желает увидеть Христа. Подобное стремление со стороны мытаря свидетельствует: несмотря на то, что по закону Божию его жизнь недостойна, что она недостойна его как человека, Закхей сохранил в глубине души чуткость к истине, красоте, человеческому измерению вещей, а потому он способен встретиться с Богом, с Его измерением. В своем страстном желании увидеть Христа лицом к лицу он сталкивается с двумя трудностями: он мал ростом и потому ему надо найти какой-то способ привлечь взгляд Господа, а это может выставить его на посмеище. Он мал ростом – ему придется влезть на дерево.

Разве все мы не малые люди, затертые толпой и лишенные возможности видеть? Не приходится ли каждому из нас время от времени взбираться на несвойственную ему высоту: мы перерастаем себя, хотя остаемся такими же малыми и нищими, какими были? И разве не рискуем мы стать предметом удивления и насмешек в тех случаях, когда пытаемся стать

выше, чем есть на самом деле, чтобы оказаться лицом к лицу с Богом? Больше всего в нашем поиске Бога нам мешает боязнь быть осмеянными. Наша гордость, упрямство, стремление к самоутверждению выстоят против резкой критики и прямых нападок, выдержат неприязнь и отвержение. Но перенести насмешку чрезвычайно трудно. Этой главной проблемы я и хочу коснуться.

Но сначала позвольте мне отметить третий момент в истории Закхея. Когда Христос входит в дом Закхея, Его встречают там с почтением и радостью. Благоговение перед Богом, радость о Его присутствии ясно проявляется в жизни Закхея истинностью его обращения, раскаянием на деле, *metanoia*. Это означает совершенно новое направление жизни. Благодаря тому, что он встретил Бога и эта встреча пробудила в нем жизнь и радость, благодаря тому, что его изуродованная душа распрямилась в полную меру его человечества, до глубины примирилась с Богом, Закхей отвергает свое прошлое. Он готов выправить всю неправду; актом доверия к Богу, актом веры он стремится начать новую жизнь, свободную от прошлого. Все это признает Христос, когда говорит: «и он сын Авраама», то есть он принадлежит к роду тех, кто способен верить, – не легковерно, а с полной самоотдачей. Вот почему «ныне пришло спасение дому сему».

Но вся ситуация зависит от одного обстоятельства, которое могло бы сломить намерение Закхея, – это смех толпы. Отцы Церкви настойчиво говорят нам, что очень часто начать новую жизнь мешают нам не притягательность зла, с которым мы свыклись, и не противодействие, с которым мы можем столкнуться, а страх быть осмеянным. Я хочу развить этот момент. Я тюремный священник; помню, один заключенный сказал мне: «Вы не представляете, какая это удача – быть пойманным и выставленным на позор, когда собираешься начать новую жизнь. Сколько раз я пытался бросить воровство и всякий раз отступал из-за насмешек приятелей. «Что, – говорили они, – решил остепениться? Готов продать свою свободу – свободу человека, который выступает в одиночку против этого гнилого общества?» Как только этот человек

попался и угодил в тюрьму, он вышел из-под влияния своих друзей и почувствовал, что может начать все с начала. Прежде, стоило ему попытаться перемениться, честные люди, которые не знали, что он вор, задавались вопросом: «Что с ним? Он меняется, а раз так, значит, что-то было в нем неладно». В вечном страхе, что его вот-вот раскроют, боясь, что его дурное нутро обнаружится именно потому, что забрезжило доброе начало, он был рад, что его наконец разоблачили: он чувствовал, что теперь ничто ему не мешает меняться; скрывать больше нечего, и он может стать новым человеком.

Как часто страх перед мнением других людей мешает нам измениться, даже тогда, когда мы вполне готовы к перемене, готовы сделать первый шаг, потому что этот шаг сразу выдаст наше прошлое. И гораздо сильнее, чем самое строгое порицание, нас пугает насмешка.

Представьте себе такую сцену. Богатый человек, вроде нынешнего управляющего банком, с солидным положением в маленьком городке, хочет видеть Христа. Он протискивается сквозь толпу; такой коротышка, как он, уже представляет довольно забавное зрелище. И он влезает на дерево. Можете представить себе, чтобы управляющий местным банком вскарабкался на дерево на центральной площади города, чтобы увидеть бродячего проповедника? Конечно, в его адрес понеслись насмешки, язвительные замечания, свист. Вероятно, это было самое большое испытание веры Закхея. Стать учеником Христа, быть из-за этого отвергнутым друзьями и семьей, безусловно, акт высокого мужества, но чтобы он, местная знаменитость, словно уличный мальчишка, забрался на дерево – это нечто совсем иное и гораздо более трудное. Разве не опасения, что первый же шаг выставит нас в смешном виде, так часто мешает нам следовать за Христом? «Где же твое свободомыслие, что ты вдруг решил отступить перед устаревшими идеями? Ты – тот, кто утверждал, что имеешь право поступать, как тебе вздумается, кто бросил вызов Богу? И – на тебе, вдруг стал Его рабом? Ты никогда не страшился человеческой молвы, что же ты испугался и готов покориться

закону?» Не слышится ли в этих словах реакция наших друзей на наше обращение?

Существуют только два способа преодолеть тщеславие, эту зависимость от общественного мнения: либо гордость, либо смирение. Третьего пути нет. Тщеславие сделало Закхея мелким человеком, оно и нас делает мелкими перед Богом и людьми. Тщеславие имеет две отрицательные черты: с одной стороны, тщеславный человек полностью попадает в рабскую зависимость от чужих оценок. Совесть его замолкает перед голосом толпы, Божие суждение исключается. Бог незримо, ненавязчиво стоит вдалеке, а толпа крикливо и самонадеянно требует подчинения, соответствия общепринятым меркам. Зависимость от общественного мнения сводит на нет совесть и Божие суждение. С другой стороны, самое унижительное в тщеславии то, что людей, от мнения которых мы зависим, мы даже не уважаем. Чернь, одобрения которой мы так горячо ищем, которой мы так боимся, мнения которой опасаемся, это далеко не собор святых Божиих. В ее среде нет даже просто людей, способных произнести справедливое суждение или отстаивать истинные ценности. Мы подчас с презрением слушаем их толки о других людях и все же страшимся их приговора. Вспомните, сколько мы делаем в жизни, оглядываясь на «свет», беспокоясь, хорошо или плохо о нас подумают. Если бы мы хоть на мгновение задумались, мы бы увидели, что тех самых людей, чье одобрение или осуждение нас так волнует, мы вовсе не считаем рассудительными. И, однако, мы дрожим под их испытующим взглядом и ищем одобрения, которое столь поверхностно и мелко. И выходит, что все мы идем путями жизни с протянутой рукой, кланча, словно жалкий грош, одобрительную улыбку или взгляд. Я сейчас описал людей, от которых мы ожидаем милостыни; но какова она и каким путем мы ее получаем? Не тем ли, что соглашаемся жить притворством в искаженном мире, где иллюзорность подменила реальность?

Тщеславие не только лишает истинного содержания то, чем мы обладаем; оно отнимает у нас и то, что мы действительно имеем. Есть рассказ из жизни отцов пустыни об одном монахе,

который жил в большом монастыре и, как говорит его жизнеописатель, суровым подвигом и с помощью Божией стяжал девять добродетелей. Однако в своей ревности о большем совершенстве он стремился приобрести и десятую добродетель, но, несмотря на все усилия, ему это не удавалось. Вместо того, чтобы испытать, что влечет его добиваться большего, и нет ли в нем какой-то слабости, которая стоит препятствием на его пути, он решил оставить свой монастырь, где, как ему казалось, условия не способствовали его стремлениям. Как только он вышел из кельи с намерением никогда более туда не возвращаться, то небольшое смирение, которое он приобрел, покинуло его, и тщеславие охватило его душу. Он побывал в девяти монастырях, но уходил из каждого, считая, что пребывание там не помогает ему стать святым. Но каждый раз, покидая очередную обитель, он выходил оттуда беднее, чем был при вступлении в нее. Сначала он утратил терпение, затем бдение, затем воздержание, дальше послушание, самообладание, кротость и так далее; тщеславие его все росло, гордыня все более охватывала его, а с ней – вспыльчивость, гневливость, расслабление, своеволие и самонадеянность, ожесточение сердца. И когда он обошел девять монастырей, от его первоначальных добродетелей ничего не осталось: незначительная сперва примесь тщеславия и гордости совершенно вытеснила все добродетели.

Тщеславие разрушительно еще тем, что ему свойственно обольщаться обманчивой видимостью. Христос испытывает сердце человека, Он отмечает подчас вполне убедительную очевидность, проникает вглубь видимого. Понять это помогут два примера. Когда после своего воскресения Христос встретил Петра на берегу Тивериадского озера, Он не стал укорять его за отступничество и не потребовал подробной исповеди. Он задал Петру прямой вопрос: «Любишь ли ты Меня больше, нежели они?» (Ин. 21:15). Будь Петр внимательнее, его бы озадачили три последние слова: «больше, нежели они». Возможно, он вспомнил бы слова Христа: «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а – другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил

обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?» (Лк. 7–42). Ведь он сам ответил: «Думаю, тот, которому более простил» (Лк. 7:42). Если бы он немного подумал, он, наверное, как блудный сын, пришел бы в себя; но Петр нетерпелив, горяч и непосредственен и действует прежде, чем дать себе время подумать. Он отвечает от всего сердца: «Ты знаешь, что я люблю Тебя... Любишь ли ты Меня?» – вновь спрашивает Христос. «Так, Господи,» – отвечает Петр. «Любишь ли ты Меня?» – в третий раз вопрошает Господь. И внезапно Петр понимает! Он уже слышал подобный троекратный вопрос во дворе первосвященника, в ночь, когда Христос был предан; трижды его спрашивали, и трижды он отрекся от Христа. Слова Христовы «больше, нежели они» звучат грозно: кто теперь поверит, что Петр любит Его? Они сулят осуждение, а не надежду. И отчаянно понимая, что вся очевидность свидетельствует против него, надеясь вопреки всякой надежде, Петр восклицает: «Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя!» (Ин. 21:15–17). И Христос – Бог, Который, безусловно, знает сердце человеческое – знает, что Петр любит Его. Он отмечает всякую очевидность и обращается к «сокровенному сердцу человека»: «Иди за Мной» (Ин. 21:22).

Подобным же образом Христос верит женщине, взятой в прелюбодеянии. Он не нарушает закон, но прозревает сквозь очевидность. Бывши блудницей, она заслуживала побиения камнями; теперь эта женщин способна войти в Жизнь вечную. Она более не грешница, застигнутая на месте преступления; теперь она знает то, чего не знала и не понимала раньше: что грех – то же самое, что смерть. Если только ей будет дарована жизнь, она никогда не забудет этой страшной истины: что грех убивает. Женщина, совершившая прелюбодеяние, умерла в ней. Та, что с ужасом ожидает побиения камнями, совсем другая. Вот эту другую, свободную и воскресшую, Христос и отпускает в новизну жизни. Он увидел ее сердце, обратился к ее глубинному «я», и очевидность превзойдена не жалостью, а большей истиной.

Как я уже сказал, существует только два пути для преодоления чувства рабской зависимости от чужого мнения:

либо гордыня, либо смирение. Смирение может принять форму равнодушия и к хуле, и к похвалам от людей, предстояния лишь перед судом Божиим и собственной совестью. Об этом говорится в рассказе о монахе, который хотел узнать, как следует отзываться на похвалу и порицание. Духовный отец велел ему отправиться на кладбище и хулить мертвецов. Тот так и сделал, а когда вернулся, наставник спросил, как вели себя покойники. «Никак, – ответил монах, – они хранили молчание». – «Ступай теперь и превозноси их», – велел старец. А когда ученик сообщил, что кладбище осталось безмолвно, как и прежде, старец сказал: «Поступай, как мертвецы. Человеческое суждение больше не задевает их, потому что отныне они пребывают перед очами Божиими».

Есть и такая форма смирения, которая является плодом погубленных тщеславием подвигов. Ее иллюстрируют заключение истории монаха с девятью добродетелями. Лишившись всего, чем обладал, он пришел в один монастырь, пав духом и оплакивая все случившееся. По внимательном испытании своей души, он решил отныне уповать только на Господа. Подробно исповедавшись Богу, он записал все проявления тщеславия и гордыни, которые привели его в столь плачевное состояние, и спрятал листок в пояс. Он остался в монастыре, и когда искушения нападали на него, доставал листок и, прочитав его, укреплялся против дьявола. Братия поражались его мирному устроению; никакие ссоры, волнения и неурядицы не могли нарушить его невозмутимость. Тогда они заметили, что всякий раз, как на него нападают внешние или внутренние искушения, он достает из пояса бумагу и тут же обретает покой и крепость. «Он, наверное, колдун, – говорили братия, и носит в поясе обаяние». Они пожаловались настоятелю и просили изгнать его из обители; но тот решил выяснить, что это за бумага, и ночью, пока монах спал, вытащил и прочел его записку. Утром он сказал братии, что сейчас прочтет ее вслух. Монах, испугавшись, что братия расценит как добродетель осознание им былых прегрешений, умолял настоятеля хранить молчание. Настоятель же, понимая, сколь многому это может научить монахов, велел читать. Услышав

написанное, братия поклонились до земли и сказали: «Прости нас, брат, ибо мы согрешили против тебя». Если уж мы прислушиваемся к голосу окружающих, то это следует делать лишь ради того, чтобы услышать голос Божий. Смирение – одна из самых мужественных евангельских добродетелей, мы же умудрились превратить его в жалкое свойство раба. Мало кто хотел бы быть смиренным, потому что смирение представляется людям отвержением человеческого достоинства. То же относится к послушанию: мы хвалим ребенка за послушание, тогда как на самом деле он проявляет покорность и лишен собственной воли; мы очень редко интересуемся, что же у него на сердце, и слишком легко принимаем блеющую овцу за овцу стада Христова. Прослыть смиренным, послушным, кротким воспринимается чуть ли не как оскорбление. Мы больше не видим высоту и силу этого состояния.

Карикатура на смирение, которую мы знаем по опыту или сами являем собой, состоит в том, чтобы в ответ на похвалу лицемерно утверждать, что мы ее не заслуживаем; когда же нас не замечают, мы привлекаем к себе внимание, настойчиво твердя, что мы не в счет и о нас не стоит беспокоиться. Истинное смирение рождается от видения Божией святости, мы же часто пытаемся заставить себя почувствовать смирение, искусственно умаляя себя. Помню, в одном из московских храмов я видел икону: на престоле изображен Господь в полный рост, а у Его ног распростерты две крошечные, размером с мышь, человеческие фигурки. Если вы были воспитаны в христианском «благочестии», вы увидите в этом лишь разницу в пропорциях между Богом и человеком. Но если вам неведом этот язык, если вы просто пришли извне и увидели эту икону, вы скажете: «Ну нет, это не для меня. Я человек, а не мышонок, и не намерен ползать у ног этого Бога, восседающего на троне. Я хочу стоять перед Ним в рост, я не чувствую себя таким ничтожным, я свободный человек». Если вы читали Священное Писание, вам ясно, что вы правы и что именно Христос Бог показал человеку его величие и Сам утвердил его достоинство, сделавшись Сыном Человеческим. Если мы хотим узнать, что

такое человек, мы должны взглянуть на Христа, Каким Он предстает в Евангелиях, на Христа в Гефсимании, на Кресте, Христа Воскресшего, на Сына Человеческого, сидящего одесную Славы Отчей. Нам незачем умять себя, делаться ничтожными, дабы возвеличить Бога. Бог запрещает нам это. А если мы так поступаем, то достигаем не смирения, а унижения, которое не дает нам жить достойно Царства Божиего и нашего человеческого призвания. Как можем мы в одно и то же время пасть ниц к ногам Божиим и стать «причастниками Божеского естества»? Как можем мы простираться перед образом Божиим – и говорить: «Я живой член этого Тела, Глава которого – Сам Бог во Христе»? Как можем мы сжаться у ног Божиих, когда знаем, что мы – храм Духа Святого, место Его присутствия? Можем ли мы смотреть на себя как на что-то мелкое и незначительное перед Богом и, однако, говорить вместе со святым Иринеем Лионским, что в Единородном Сыне мы призваны Духом Святым быть единородным сыном, «всецелым Христом», totus Christus, и что слава Божия – это человек, полностью осуществленный?

Таким образом, смирение вовсе не заключается в постоянном усилии принизить себя и отвергнуть человеческое достоинство, которым Бог наделил нас, которого Он требует от нас, потому что мы Ему дети, а не рабы. Как видно на примерах святых, смирение не рождается в них единственно из осознания греховности, потому что и грешник может принести Богу сокрушенное, кающееся сердце, а одного слова прощения достаточно, чтобы изгладить все зло, прошлое и настоящее. Смирение святых происходит из видения славы, величия и красоты Божией, смирение рождается даже не по контрасту, а из сознания, что Бог настолько свят, из откровения такой совершенной красоты, такой поразительной любви, что единственное, что остается сделать в Его присутствии – это пасть перед Ним в благоговении, радости и изумлении. Когда святую Терезу охватило яркое переживание всепоглощающей любви Божией к нам, она пала на колени со слезами радости и изумления; поднялась она уже новым человеком; видение

любви Божией оставило ее в «сознании неоплатного долга». Вот подлинное смирение – а не уничижение.

Не испытываем ли мы чувства глубокого смирения, когда кто-то любит нас – что всегда бывает незаслуженно? Мы ведь знаем, что любовь нельзя заслужить, купить, добиться силой, – мы получаем ее, как дар, как чудо. В этом начало смирения. «Бог любит нас даром», – говорит святитель Тихон Задонский.

Смирение – это такое положение, когда человек стоит перед лицом Бога, Который его видит, и перед лицом человека, который этого и не замечает; смирение совершенно естественно ищет самого низкого положения, как вода сама уходит в глубины. Смирение означает полную открытость Богу, отдачу себя в Его волю, готовность все принять от Него – из его рук или через посредство других людей, без громких слов о своем ничтожестве, потому что смирение – не самоуничижение, а просто предстояние Богу в изумлении, радости и благодарности.

Это единственный способ освободиться от страха общественного мнения, от рабской зависимости, которая не дает нам найти в себе мужество и изыскать возможность перемениться, поскольку мы выбрали критерием поведения человеческие ценности. Как только мы освобождаемся от этого, мы остаемся наедине с совестью, где ясно звучит голос Бога, провозглашающий суд Божий, дарующий нам силу начать жить в полную меру и свободно. Мы знаем, что это нам доступно, потому что бывают моменты, когда каждый из нас вдруг перестает зависеть от общественного мнения, – моменты глубочайшего опыта, когда мы становимся подлинными, вырастаем в полную меру своего человечества. Мелочность тогда спадет с нас, словно шелуха, и развеивается. Когда нас охватывает большое счастье или когда горе пронзает наше сердце, когда мы полностью захвачены каким-нибудь внутренним переживанием, мы забываем – хотя бы на одно мгновение – о том, что могут о нас подумать люди. Когда мы узнаем о смерти близкого нам человека и охвачены скорбью, нам безразлично, одобряют ли нас окружающие. Когда после долгого отсутствия мы встречаем того, кого любим, мы, не

задумываясь, бросаемся в его объятия, нимало не беспокоясь, что толпа сочтет наше поведение нелепым.

Все это оказалось возможным для Закхея, потому что он отбросил в сторону всякие человеческие соображения и решился увидеть, и эта решимость позволила ему приблизиться к Богу, пережить опыт откровения Живого Бога. Вот уже тысячелетия каждая человеческая душа ищет этого Бога, Которого встретил Закхей, Живого Бога, столь отличного от застывших образов, какие предлагают всевозможные, сменяющие друг друга религии. В IV веке святой Григорий Богослов сказал, что если бы мы собрали из Священного Писания, из Предания и опыта Церкви все, что человек смог узнать о Боге, и создали бы из всего этого стройный образ, как бы прекрасен ни был этот образ, мы создали бы идола. Потому что как только мы создаем образ Божий и говорим: «Смотрите, вот Бог», мы сразу подменяем нашего динамичного, Живого, неизмеримо глубокого Бога чем-то ограниченным, придаем Ему человеческий масштаб, поскольку всякое откровенное знание должно быть в меру человека; в откровении нет ничего сверх меры, иначе, будь оно бесконечно велико или бесконечно мало, оно бы ускользнуло от нашего понимания. Все, что нам было известно о Боге вчера, не соответствует сегодняшнему или завтрашнему знанию. Я хочу сказать, что я не могу поклониться Богу в пределах того знания о Нем, которое у меня есть в данный момент, оно – граница. Бог, перед Которым я становлюсь в молитвенном поклонении, это Бог, знание о Котором подвело меня к точке, где я могу встретиться с Ним вне человеческих образов и умственных представлений. Я стою перед Неведомым Богом, тайна Которого вечно раскрывается перед нами и Который, однако, остается бесконечно неисследимым.

Чтобы помочь людям увидеть Бога, бесполезно придумывать новые Его образы. Если мы твердим: «Сотни лет назад люди открыли, каков Бог, я вам это расскажу», – люди вправе ответить нам: «Если бы вы это знали, это было бы очевидно». А это не очевидно! Если бы кто-то из нас был действительно откровением Христа, люди могли бы сказать: «Я

видел лик Христов». Вспомните отрывок из Послания к коринфянам, где апостол Павел говорит, что Бог просветил нас «познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2Кор. 4:6). Подобное высказывание есть у одного православного подвижника: «Никто не может отвергнуться мира, пока не увидит свет вечности хотя бы на лице одного человека». Если бы мы были подобным откровением, нам не приходилось бы искать множество способов, как бы описать Бога. В «Отечнике» есть рассказ о том, как один великий подвижник встретил трех монахов. Двое из них стали задавать ему бесчисленные вопросы, а третий молчал. Наконец, подвижник обратился к нему сам: «А ты разве не хочешь о чем-нибудь спросить меня?» – «Нет, – ответил тот, – мне достаточно смотреть на тебя». Есть и другой рассказ о том, как епископ Александрийский должен был посетить монастырь. Братия просили одного монаха произнести слово приветствия, но тот отказался. «Почему?» – удивились монахи. «Если он не поймет мое молчание, он ничего не поймет из моих слов».

Так открыл Христа Закхей, так Господь говорил о нем, подобно тому, как Он безмолвно говорил с Петром в ночь, когда был взят: «Тогда Господь, обратившись, взглянув на Петра, и Петр,... выйдя вон, горько заплакал» (Лк.22:61–62). Бог, Чей взор проникает в глубины, «будет судить не по взгляду очей Своих» (Ис.11, 3).

Он проникает в сердце и испытывает внутренность (см. Иер.17, 10), и Он же раскрывает наши глаза и избавляет нас от фарисейства и самообмана, и спасает нас от порабощения страху человеческому!

Притча о мытаре и фарисее

«Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! Будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18, 9–14).

Эта притча ставит нас перед лицом человеческого и Божиего суда. Фарисей входит в храм и встает перед Богом. Он уверен, что имеет на это право: ведь его поведение до мелочей соответствует закону, который Сам Бог дал Своему народу, – не говоря о бесчисленных правилах, которые старейшины народа и фарисеи выработали на основании этого закона, превратив их в пробный камень благочестия. Область Божия ему родная; он принадлежит к ней, он стоит за Бога, – Бог постоит за него. Божие Царство – это область закона, и тот, кто подчиняется закону, кто стоит за него, тот безусловно праведен. Фарисей полностью во власти формального ветхозаветного видения вещей; в понятиях этого Завета исполнение закона может сделать человека праведным. Но закон не мог одного: он не мог дать Жизнь вечную, потому что Жизнь вечная заключается в том, чтобы знать Бога и посланного Им Иисуса Христа (см. Ин.17,3), знать Его знанием не внешним, каким было знание фарисея, будто Вседержавного Законодателя, – а знанием на основе тесных личных отношений, общей жизни «Вы во Мне, и Я в вас» (Ин. 14, 20).

Фарисей все знает о том, как **поступать**, но ничего не знает о том, каким следует **быть**. За всю свою праведную жизнь с одним он ни разу не сталкивался, он никогда не понял, что

между Богом и им могут быть отношения взаимной любви. Он никогда ее не искал, он ни разу не встретил Бога Исаяи, Который столь свят, что перед Ним «вся праведность наша – как запачканная одежда» (Ис.64:6). Он уверен, что между Творцом и Его творением существует неизменные, раз и навсегда установленные, застывшие отношения. Он не увидел в Священном Писании историю любви Бога к миру, который Бог сотворил и который так возлюбил, что отдал Сына Своего Единородного ради его спасения. Он живет в рамках Завета, понятого им как сделка, вне каких бы то ни было личных отношений. Он видит в Боге закон, а не Личность. Он не видит оснований осудить себя; он праведен, холоден, мертв.

Не узнаем ли мы в этом образе себя, и не только самих себя, а целые группы людей? Об этом превосходно сказано в следующих строчках:

Лишь мы избранники Господни,
Остаток проклят навека,
Им места хватит в преисподней,
К чему в раю нам их толпа?

Мытарь же знает, что он неправеден; об этом свидетельствует и Божий закон, и суждение человеческое. Он нарушает Божий закон и использует его в своих интересах. Обманом или нагло, в зависимости от обстоятельств, он преступает человеческие законы и обращает их к своей выгоде, а потому его ненавидят и презирают другие люди. И вот, придя в храм, он не осмеливается переступить его порог, потому что храм – это место Присутствия, а у него нет права вступить в Божие Присутствие, он боится этой встречи. Он останавливается и видит перед собой священное пространство, как бы подчеркивающее неизмеримое величие Бога и бесконечное расстояние между ним и святостью, Богом. Храм велик, как Само Присутствие, он повергает в трепет, он полон трагизма и осуждения, которые несет с собой очная ставка между грехом и святостью. И тогда, на основе беспощадного жестокого опыта человеческой жизни, у него вырывается неизмеримо глубокая и искренняя молитва: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику». Что знает он о жизни? Он знает,

что закон, применяемый в полную силу, приносит страдание; что при неограниченной власти закона нет места милосердию, этим законом он пользуется и злоупотребляет им, чтобы уловить своих должников, чтобы загнать свою жертву в угол; он умеет исхитриться и остаться правым перед этим законом, отправляя в тюрьму разорившихся должников; на защиту этого закона он всегда может рассчитывать, притом что сам безжалостно, немилосердно наживаетея и копит несправедливое богатство.

А вместе с тем его жизненный опыт научил его еще чему-то, что не поддается логике и идет вразрез с его собственными представлениями. Он помнит, что и в его собственной жизни и в жизни подобных ему, бессердечных и жестоких, бывали моменты, когда он, имея на своей стороне всю силу закона, сталкивался с горем и ужасом, которые он навлек на несчастную семью, с терзаниями матери, со слезами ребенка; и в тот самый момент, когда, казалось, все в его власти, он, ошеломляя своих сотоварищей, вопреки их безжалостной логике, вопреки закону, вопреки здравому смыслу и своему привычному поведению, вдруг останавливался и, взглянув с печальной или даже мягкой улыбкой, говорил: «Ладно, оставьте их».

Он, вероятно, знает, что сам не раз бывал спасен от разорения и гибели, тюрьмы и бесчестия благодаря нелепому, безотчетному порыву дружества, великодушия или жалости, и эти поступки полагали предел страшному закону джунглей его мира. Что-то в нем переросло границы суровой непреклонности; в мире зла единственное, на что можно надеяться, – это подобные порывы сострадания или солидарности. И вот он стоит у порога храма, в который не может войти, потому что там царит закон и господствует справедливость, потому что о его осуждении вопиет здесь каждый камень; он стоит у порога и молит о милости. Он не просит справедливости – это было бы попранием справедливости. Великий подвижник седьмого века святой Исаак Сирин писал: «Никогда не называй Бога справедливым. Если бы Он был справедлив, ты давно был бы в

аду. Полагайся только на Его несправедливость, в которой – милосердие, любовь и прощение».

Вот положение мытаря, и вот, что он узнал о жизни. Мы многому можем научиться у него. Почему бы и нам смиренно и терпеливо, в смутном или ясном сознании своей греховности, не встать, подобно ему, на пороге? Можем ли мы притязать на право встретить Бога лицом к лицу? Можем ли мы, такие, какие мы есть, рассчитывать на место в Его Царстве? Если он решит явиться к нам, как явился в Воплощении, во дни Его плотской жизни и на протяжении человеческой истории, как наш Спаситель и Искупитель, припадем к Его ногам в изумлении и благодарности! А пока будем стоять у двери и взывать: «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония,... кто устоит?» (Пс. 129:3). Господи, прими меня в Свою область, в область милости, а не в область правды и возмездия!»

Но мы не даем проявиться милости, мы обращаемся к закону и становимся фарисеями – не тем, что подражаем их суровой, дорого им стоившей верности закону, а тем, что разделяем их образ мыслей, откуда изъята надежда и любовь. Фарисей, по крайней мере, был праведен в понятиях закона; мы не можем похвастаться даже этим, и, однако, воображаем, будто достойны предстать перед Богом. Если бы только мы остановились у притолоки и со смирением, робко постучали, ожидая в ответ приглашения войти, мы с изумлением и в восхищении услышали бы, что по ту сторону тоже Кто-то стучит: «Се стою у двери и стучу», – говорит Господь. (Откр. 3, 20). Быть может, мы увидели бы, что с Его стороны дверь не заперта; она заперта с нашей стороны, наши сердца запечатаны; наше сердце узко, мы так боимся рискнуть, отбросить закон и вступить в область любви, где все столь же хрупко и непобедимо, как сама любовь, как жизнь. Бог не перестает стучать с надеждой, настойчиво и терпеливо; Он стучится через людей, через обстоятельства, через тихий, слабый голос нашей совести, как нищий стучится у врат богача, потому что, избрав нищету, Он ждет, что наша любовь и милость откроет Ему глубины человеческого сердца. Чтобы Он мог прийти и вечерять с нами, необходимо нам отвергнуться наших

каменных сердец и заменить их сердцами плотяными (см. Иез. II, 19); взамен Он предлагает прощение и свободу.

Он Сам ищет встречи с нами. В опыте христианства эта тема встречи центральна; она лежит в основе всей истории спасения, всей человеческой истории. Она в сердцевине новозаветного благовестия. В Ветхом Завете увидеть Бога значило умереть; в Новом Завете встреча с Богом означает жизнь. Современный христианский мир все яснее осознает, что все Евангелие можно воспринять мыслью, опытом, жизнью как непрестанно возобновляющуюся встречу, в которой содержится и спасение и суд. Задолго до событий Нового Завета первое Божие действие творения – уже встреча, которой Бог возжелал и вызвал к реальности; весь тварный мир восстает из небытия и с чувством первозданного изумления открывает и Творца, Живого Бога, Подателя жизни, и каждое другое Его создание, дело Его рук. Какое диво! Какое чудо! Какая радость!.. Так начинается процесс становления, который когда-то приведет нас к такому переизбытку жизни, который апостол Павел описывает, говоря: Бог будет все во всем, когда человек станет, по слову апостола Петра, «причастником Божеского естества» (2Пет. 1:4), получит участие в Божественной природе.

Эта первая встреча, первый шаг на пути, который приведет к встрече окончательной, не просто встрече лицом к лицу, а к приобщенности, к общности жизни – к совершенному и чудесному единению, которое явится нашей полнотой. А когда человек отвернулся от своего Творца, когда он оказался одиноким и сирым в мире, который сам же предал, изменив Богу и отказавшись от своего призвания, эта таинственная встреча продолжалась, но уже по-другому. Бог посылал Своих пророков, святых, вестников и судей, чтобы напоминать нам о пути, который приведет нас обратно к Нему и к самим себе. А когда все было приготовлено, произошла главная встреча, встреча *par excellence* (главная встреча, встреча в полном смысле слова – фр.), величайшая Встреча в Воплощении, когда Сын Божий стал Сыном Человеческим, Слово стало плотью, полнота Божества открылась через самую материю. Всеобъемлющая, космическая встреча, в которой потенциально

нашли свое исполнение и человеческая история, и весь космос. Бог сделался человеком, Он обитал среди нас; Его можно было видеть, воспринимать чувствами, к Нему можно было прикоснуться. Он совершил исцеления. Слова, которые мы теперь читаем и повторяем, были произнесены Им и давали жизнь людям, – новую жизнь, жизнь вечную. И вокруг Него люди – мужчины, женщины, дети – встречались друг с другом, и это была такая встреча, которой они никогда раньше не испытывали и о которой даже не мечтали. Они и раньше видели друг друга, но в присутствии Живого Бога они прозревали друг в друге то, чего не видели раньше. И эта встреча, которая – и спасение, и суд, продолжается из века в век. Как в начале всего, мы находимся в присутствии Бога нашего. Как во времена Христа, мы стоим лицом к лицу с Богом, Который пожелал стать человеком; как и прежде, изо дня в день люди, узнавшие в Иисусе из Назарета Сына Божиего, и через Него увидевшие Отца, встречаются друг с другом совершенно по-новому. Эта встреча происходит все время, но сознание наше столь затуманено, что мы проходим мимо ее значения, ее безмерных возможностей, но и мимо того, чего она требует от нас.

Настоящая встреча, в полном смысле слова, происходит крайне редко. Человеческие пути пересекаются, люди сталкиваются друг с другом, – сколько человек проходит мимо нас за один-единственный день, совершенно не замечая нас? И на скольких мы глядим невидящим взором, не уделив им ни взгляда, ни слова, ни улыбки? А вместе с тем каждый из этих людей – Присутствие, образ Живого Бога; и, возможно, Бог послал их нам с какой-то вестью или наоборот, через нас они должны были получить весть от Бога – слово, жест, взгляд, полный признания или сочувствия и понимания. Столкнуться с человеком на улице или в жизни по воле толпы или случая это еще не встреча. Мы должны научиться смотреть и видеть, – смотреть внимательно, вдумчиво, вглядываясь в черты лица, его выражение, содержание этого выражения, содержание глаз. Каждый из нас должен научиться глубоко видеть другого, терпеливо и не жалея времени всматриваться, чтобы понять,

кто находится перед нами; это касается и целых человеческих групп – общественных, политических, расовых, национальных.

Все мы принадлежим к человеческим обществам, которые веками жили в разделении или вражде сотни лет, порой мы отворачивались, не желали взглянуть друг другу в глаза, расходились все дальше. Потом мы остановились и оглянулись, чтобы наконец посмотреть на того, кто был нашим братом, а стал чужаком, даже врагом. Но мы были еще слишком далеки и не могли рассмотреть его лица, уж не говоря об образе Божиим в нем. Так смотрел на мытаря фарисей; так смотрят друг на друга нации, классы, церкви, отдельные люди.

Мы должны пуститься в настоящее паломничество, в длительное путешествие. Мы уже достаточно близки, чтобы взглянуть друг другу в глаза, и тем самым проникнуть вглубь живого сердца, понять душу, оценить поступки, чтобы сделать из этого вновь приобретенного видения вдумчивые и взвешенные выводы о помыслах, намерениях и стремлениях другого человека, который не меньше, чем мы, хотел понять и исполнить волю Божию. Все это требует много доброй воли. Увидеть в другом то, что отталкивает нас, что делает его чужим, легко, – так же легко, как видеть только привлекательные черты в тех, кто разделяет наши убеждения.

Но очень трудно быть справедливым. Мы привыкли думать о справедливости в понятиях награды или воздаяния каждому по заслугам; но справедливость идет дальше и требует от нас гораздо большего. Она начинается в тот момент, когда я вижу между собой и ближним (отдельной личностью или коллективом) различие, подчас непреодолимое, и признаю его полное право быть таковым, принимая как факт, что он и не обязан быть простым отражением меня. Он также создан Богом, как я; он создан не по моему образу, а по образу Божию. Он призван быть подобием Бога, а не меня; и если он кажется мне слишком уж непохожим на Бога, чуждым Ему, если он представляется отвратительной карикатурой, а не образом Божиим – нет ли у него достаточных оснований и меня видеть таким? Все мы довольно отвратительны, но и очень жалки, и нам следует смотреть друг на друга с большим состраданием.

Но утверждение этого основополагающего акта справедливости связано с риском и опасностью. Во-первых, физической опасностью: принять тех, кто любит нас собственнической любовью, и не быть внутренне сломленными, не возложить на них ответственность за это, достаточно трудно; но принять врага, который отрицает нас и отвергает, который рад был бы стереть нас с лица земли – это уже очень дорогостоящий акт справедливости. И, однако, он должен быть совершен, и сделать это можно только в любви и милосердии (позволю себе напомнить, что слово «милосердие» родственно выражению «от доброго сердца» и не имеет ничего общего с неохотной благотворительностью), что нашло свое высшее выражение после Тайной Вечери в Гефсиманском саду и в Кресте Христовом. Признать право другого человека быть самим собой, а не моим отражением, это основоположный акт справедливости; только это позволит нам смотреть на человека, не стараясь увидеть и признать в нем себя, а признавая его самого, сверх того, вернее, в его недрах узнать образ Божий. Но это рискованней, чем мы себе представляем: подобное признание может подвергнуть опасности наше существование или цельность. Приведу пример. Во время русской революции молодая женщина попала в тюрьму. Потянулись дни в одиночке и ночные допросы. В одну из таких ночей она почувствовала, что силы ее на исходе, что готовность держаться стойко начала покидать ее, и внезапно она почувствовала, что в сердце ее поднимается ненависть и злоба. Ей захотелось взглянуть в глаза следователю, бросить ему вызов со всей ненавистью, на которую она была способна, чтобы как-то прекратить этот кошмар бесконечных ночных мучений, пусть даже за это ей придется поплатиться жизнью. Она действительно взглянула, но ничего не сказала, потому что по другую сторону стола увидела мертвенно бледного, измотанного человека, столь же измученного, как сама, с таким же выражением отчаяния и страдания на лице. И вдруг она поняла, что, собственно говоря, они не враги. Да, они сидели по разные стороны стола, между ними существовало непримиримое противостояние, но вместе с тем они были жертвами одной исторической трагедии;

водоворот истории затянул их и швырнул одного в одну сторону, другого – в другую; оба были несвободны, оба были жертвами. И в тот момент, потому что она увидела в другом человеке такую же жертву, как сама, она поняла, что это тоже человек, а не просто должностное лицо. Он не был врагом, он был такой же несчастный, неотделимый от нее пленник трагедии. И она улыбнулась ему. Это был акт признания, акт высшей справедливости.

Но недостаточно лишь смотреть с тем, чтобы увидеть, надо научиться также и слушать с тем, чтобы услышать. Как часто в разговоре, когда мнения расходятся или сталкиваются, пока собеседник пытается донести до нас свои взгляды и открывает свое сердце, впуская нас в тайники, часто священные тайники своей души, мы вместо того, чтобы услышать его, выбираем из его слов подходящий материал, чтобы, как только он замолчит (если у нас хватит терпения дождаться этого момента), возразить ему. Это мы ошибочно называем диалогом: один говорит, а другой не слушает. Потом собеседники меняются ролями, так что к концу каждый выговорился, но никто не выслушал другого.

Слушать – это искусство, которому надо учиться. Не слова должны мы слышать и по ним судить, и даже не выражения, – мы и сами их употребляем. Мы должны слушать с таким углубленным вниманием, чтобы за словами, часто несовершенными, уловить мимолетный проблеск истины, мысль, стремящуюся выразить себя, пусть смутно и приблизительно; правду сердца, которое силится довести до нашего сознания свои сокровища и свое бремя. Но увы! Как правило, мы довольствуемся словами и на них даем ответ. Если бы мы рискнули сделать чуть больше и прислушаться например, к интонации голоса, мы бы обнаружили, что самые простые слова полны тревоги; и тогда нам пришлось бы отозваться на эту тревогу состраданием, любовью, участием. Но ведь это очень опасно! И мы предпочитаем слушать слова и не отзываться на остальное, мы остаемся глухи к духу их, хотя «буква убивает, а дух животворит» (2Кор. 3:6).

Что же делать, если мы хотим научиться видеть и слышать? Первое условие уже было изложено выше: мы должны признать и принять инаковость другого; он отличен от меня и имеет на это право, я же не вправе возмущаться этим или ожидать, что он станет таким, каков я. Но чтобы увидеть его таким, каков он есть, я должен подойти достаточно близко, чтобы различить все, что следует увидеть, однако не настолько близко, чтобы за деревьями не увидеть леса. Уяснить это нам поможет такой пример; когда мы хотим разглядеть скульптуру, статую, мы отходим на некоторое расстояние. Расстояние это неодинаково для всех, оно зависит от того, кто как видит, – близоруки мы или дальнорюки; каждому надо найти ту точку в пространстве – некое среднее между отдаленностью и близостью – которая позволит ему (возможно, только ему одному) лучше всего увидеть и целое, и каждую значительную деталь. Если расстояние слишком велико, мы будем видеть не скульптуру, а каменную глыбу, все более бесформенную по мере нашего удаления от нее. И напротив, если мы подойдем слишком близко, детали начнут приобретать чрезмерное значение, а если подойдем вплотную, то и они исчезнут, и мы будем видеть только фактуру камня. Но и в том, и в другом случае ничего не останется от того впечатления, которое должна была произвести на нас скульптура.

Подобным образом должны мы научиться видеть друг друга: отойти, быть на таком расстоянии, которое позволяет нам освободиться от нелепых эгоцентрических реакций, предубеждений и всевозможных ошибочных суждений, происходящих от эмоциональной запутанности; но и в такой близости, при которой ощутимы личные отношения, ответственность, причастность. Для этого требуется усилие воли и подлинное самоотречение. Нетрудно установить гармонические отношения со статуей. Гораздо сложнее отойти на некоторое расстояние от того, кого мы любим, или приблизиться к тому, кто нам неприятен. Чтобы сделать это, чтобы победить и страх, и жадность, мы должны освободиться от нашей самости, перестать видеть все так, будто мы – центр вселенной. Мы должны научиться видеть все объективно, как

факты, которые мы можем принять и изучать, не задаваясь предварительно вопросом, какое действие может оказать этот человек или это событие на меня лично, на мое благополучие, на мою безопасность, на самое мое существование. Надо быть достаточно бесстрастным, чтобы сквозь внешние слои и вопреки очевидности уметь заглянуть в глубину, как умел это делать Христос, – вспомните призвание Матфея, презренного сборщика податей. Как далеко отстоит этот подход Христа от нашего ужасного дара замечать сквозь ясные или полупрозрачные слои света двойственность сумрака человеческого несовершенства или тьму еще непросвещенного, но столь богатого возможностями внутреннего хаоса. Вместо того чтобы «всему верить, на все надеяться» (1Кор. 13:7), мы не только судим по поступкам, отвергая понятие «презумпции невиновности»; мы ставим под вопрос и побуждения людей, подвергаем сомнению самые их намерения.

Надо безжалостно бороться с нашей привычкой судить обо всем со своей крошечной колокольни, «Отвергнись себя» (Лк. 9:23) – так определил Христос первый шаг на пути к Царствию. Можно выразиться еще более резко: когда мы замечаем, что вместо того, чтобы видеть и слышать кого-то, мы поглощены собой, нам следует повернуться к этому «я», которое помехой стоит на нашем пути, и с гневом воскликнуть: ««Отойди от меня, сатана (по-древнееврейски «сатана» означает «соперник», «враг»), ты думаешь не о том, что Божие!» (Мф. 16:23; Мк. 8:33) Сойди с моего пути, ты надоел мне!» Мытарь знал, что он плох в глазах Божиих и по суду людскому, он инстинктивно научился отворачиваться от себя, потому что от созерцания собственного безобразия радости мало. Фарисей потому мог самодовольно смотреть на себя, что, по крайней мере в его глазах, его личность вполне отвечала образцу праведности, он считал свою жизнь совершенным отражением закона Божиего. И потому он вполне искренне восхищался этим видением, созерцанием совершенного осуществления Божественной мудрости, каким считал себя. Благочестивый читатель, не спеши посмеяться над ним или праведно вознегодовать! Спроси себя, ты, добрый христианин,

законопослушный гражданин, исполнительный член нашего полного условностей общества, – далеко ли ты ушел от него... Чтобы увидеть себя, свое «я» как «врага и супостата», как единственное, что стоит на Божием пути, требуется не минутное лишь размышление – подобное понимание достигается мужественной и напряженной борьбой. «Пролей кровь и примешь Дух», – говорит кто-то из подвижников пустыни. Именно так поступил Бог по отношению к нам. Он своей волей привел нас к бытию. Он сотворил нас во всей лучезарной невинности и чистоте, а когда мы предали и Его, и весь тварный мир, когда мы изменили своему призванию, отвернулись от Него и вероломно предали творение во власть князя мира сего, Он принял новую ситуацию, принял нас такими, какими мы стали, и принял мир в его искаженном нами состоянии. Он сделался человеком, стал распятым Христом, был отвергнут людьми, потому что стоял за Бога, и вынес богооставленность Креста, потому что стоял за человека. Так Бог ответил на вызов человека; Он принял нас в акте справедливости, который бесконечно далек от наших понятий воздаяния. Он утверждает наше право быть самими собой, но, зная, сколь безумно мы выбрали смерть вместо жизни, сатану вместо Него, Бога нашего, Он решил стать человеком среди людей, чтобы мы могли обожиться, чтобы привить нас к живой лозе, живой маслине (см (Рим. 3)).

Кроме того, Он умел слушать. В Евангелиях мы видим, как слушает Христос, как Он видит, как замечает и выделяет в толпе человека, которому Он нужен, необходим или который готов ответить на Его зов. Посмотрите, насколько полно Он отдается и погружается в ужас Распятия, ужас нашей смерти. И в то же время Он свободен, самовластен, всегда остается Самим Собой, несмотря на бури, испытания, опасность, риск и их цену, и бесстрашно предъявляет абсолютное Божие требование: мы должны жить и войти в Жизнь Вечную.

Так что не будем проходить мимо факта: Христос знает каждого из нас и принимает нас такими, какие мы есть, и расплачивается за наши дела, чтобы открыть нам врата Жизни вечной. На Тайной Вечери Он сказал Своим ученикам: «Я дал

вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13, 15). Не с этого ли следует начинать? Разве не призывает нас Апостол: «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас»? (Рим. 15:7).

Посмотрев на мытаря в присутствии Божиим и увидев собственное осуждение, фарисей мог бы открыть в человеке, столь им презираемом, своего брата. Но он прошел мимо встречи с Богом; и как мог он стоять в благоговении, как мог он увидеть другого, признать в нем своего ближнего, увидеть образ Божий в нем, когда он не увидел его Прообраза – Бога Самого?..

Иногда, в моменты откровения, в горе или в радости, мы видим и узнаем друг друга; но вот мы, как фарисей, переступаем порог, и наша способность прозревать вглубь угасает, и когда мы встречаем брата или сестру, которых недавно узнали, мы опять видим незнакомца и гасим всякую их надежду. Насколько иначе звучат слова апостола Павла: «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа» (Рим. 9:2–3) – ради спасения всего Израиля.

Притча о блудном сыне

«Еще сказал: у некоторого человека была два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю страну и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествует хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, и пропадал и нашелся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного тельца, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца. Он же сказал ему: сын мой! Ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться,

что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк.15,11–32).

Эта притча чрезвычайно богата содержанием. Она лежит в самой сердцевине христианской духовности и нашей жизни во Христе; в ней человек изображен в тот самый момент, когда он отворачивается от Бога и оставляет Его, чтобы следовать собственным путем в «землю чуждую», где надеется найти полноту, преизбыток жизни. Притча также описывает и медленное начало, и победоносное завершение пути обратно в отчий дом, когда он, в сокрушении сердца, избирает послушание.

Прежде всего, это вовсе не притча об отдельном грехе. В ней раскрывается сама природа греха во всей его разрушительной силе. У человека было два сына; младший требует от отца свою долю наследства немедленно. Мы так привыкли к сдержанности, с какой Евангелие рисует эту сцену, что читаем ее спокойно, словно это просто начало рассказа. А вместе с тем, если на минуту остановиться и задуматься, что означают эти слова, нас поразит ужас. Простые слова: **Отче, дай мне...** означают: «Отец, дай мне сейчас то, что все равно достанется мне после твоей смерти. Я хочу жить своей жизнью, а ты стоишь на моем пути. Я не могу ждать, когда ты умрешь: к тому времени я уже не смогу наслаждаться тем, что могут дать богатство и свобода. Умри! Ты для меня больше не существуешь. Я уже взрослый, мне не нужен отец. Мне нужна свобода и все плоды твоей жизни и трудов; умри и дай мне жить!»

Разве это не самая сущность греха? Не обращаемся ли мы к Богу так же спокойно, как младший сын из евангельской притчи, с той же наивной жестокостью требуя от Бога все, что Он может нам дать: здоровье, физическую крепость, вдохновение, ум, – все, чем мы можем быть и что можем иметь – чтобы унести это прочь и расточить, ни разу не вспомнив о Нем? Разве не совершаем мы снова и снова духовное убийство и Бога и ближних – детей, родителей, супругов, друзей и родных, товарищей по учебе и по работе? Разве мы не ведем себя так, будто Бог и человек существуют только ради того,

чтобы трудиться и давать нам плоды своей жизни, да и самую жизнь, а сами по себе не имеют для нас высшего значения? Люди и даже Бог – уже не личность, а обстоятельства и предметы. И вот, взяв с них все, что они могут нам дать, мы поворачиваемся к ним спиной и оказываемся на бесконечном расстоянии: для нас они безличны, мы не можем встретиться с ними взором. Вычеркнув из жизни того, кто нам дал что-то, мы становимся самоуправными обладателями и исключаем себя из тайны любви, потому что больше ничего не можем получить и неспособны давать сами. Это и есть сущность греха – исключить любовь, потребовав от любящего и дающего, чтобы он ушел из нашей жизни и согласился на небытие и смерть. Это метафизическое убийство любви и есть грех в действии – грех сатаны, Адама и Каина.

Получив все богатство, которым одарила его «смерть» отца, даже не оглянувшись, со свойственным молодости легкомыслием, младший сын покидает надоевшую ему безопасность родительского крова и с легким сердцем устремляется в края, где ничто не будет стеснять его свободы. Отделавшись от отцовской опеки, от всех моральных ограничений, он теперь может безраздельно отдаться всем прихотям своенравного сердца. Прошлого больше нет, существует только настоящее, полное многообещающей привлекательности, словно заря нового дня, а впереди манит безграничная ширь будущего. Он окружен друзьями, он в центре всего, жизнь радужна, и он еще не подозревает, что она не сдержит своих обещаний. Он полагает, что новые друзья льнут к нему бескорыстно; на самом деле люди относятся к нему точно так же, как он поступил по отношению к отцу: он существует для своих приятелей постольку, поскольку он богат и они могут попользоваться его мотовством. Они едят, пьют и веселятся; он полон радости, но как же далека эта радость от мирного и глубокого блаженства Царства Божиего, открывшегося на брачном пире в Кане Галилейской.

Но вот наступает время, когда иссякает богатство. По неумолимому закону, и земному и духовному (Мф.7, 2 – «какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»), все оставляют его:

сам по себе он никогда им не был нужен, и судьба его отражает судьбу его отца; он для друзей больше не существует, его удел – одиночество и нищета. Покинутый и отверженный, он терпит голод, холод и жажду. Его бросили на произвол судьбы, как сам он бросил своего отца. Но отец, хоть тоже покинут, богат своей несокрушимой любовью, ради которой он готов жизнь положить за сына, принять даже его отречение, чтобы сын мог свободно идти своим путем. Сына же ждет бесконечно большее несчастье – внутренняя опустошенность. Он находит работу, но это только увеличивает его страдание и унижение: никто не дает ему еды, и он не знает, как добыть ее. А что может быть унижительнее, чем пасти свиней! Для евреев свиньи символ нечистоты, как бесы, которых изгонял Христос. Его работа – образ его состояния; внутренняя нечистота соответствует обрядовой нечистоте свиного стада. Он достиг последнего дна, и теперь из этой глубины он начинает оплакивать свое несчастье.

Подобно ему, мы чаще оплакиваем свои несчастья, чем благодарим за радости жизни, и не потому, что выпадающие нам испытания чересчур суровы, а потому что мы встречаем их так малодушно и нетерпеливо. Оставленный друзьями, отверженный всеми, блудный сын остается наедине с самим собой и впервые заглядывает в свою душу. Освободившись от всех обольщений и соблазнов, лжи и приманок, которые он принимал за освобождение и полноту жизни, он вспоминает детство, когда у него был отец, и он не должен был, словно сирота, скитаться без крова и пищи. Ему становится ясно, что нравственное убийство, которое он совершил, убило не отца, а его самого, и что та беспредельная любовь, с которой отец отдал свою жизнь, позволяет ему сохранять надежду. И он встает, оставляет свое жалкое существование и отправляется в дом отца с намерением пасть к его ногам в надежде на милость. Но не только воспоминание картины домашнего уюта – огня в очаге и накрытого к обеду стола – заставляют его возвратиться; первое слово его исповеди не «прости», а «отец». Он вспоминает, что на него была безгранично излита любовь отца, а из нее проистекали и все блага жизни. (Христос сказал: «Ищите же прежде Царства Божия... и это все приложится

вам».) Он возвращается не к чужому человеку, который не признает его, которому придется говорить: «Разве ты не помнишь меня? Когда-то у тебя был сын, который предал и покинул тебя – это я». Нет, из глубин его вырывается слово «отец», оно подгоняет его и окрыляет надеждой. И в этом он открывает истинную природу раскаяния: в настоящем раскаянии сочетаются видение нашего собственного зла и уверенность, что даже для нас есть прощение, потому что подлинная любовь не колеблется и не угасает. При одном только безнадежном видении наших проступков раскаяние остается бесплодным; оно исполнено угрызений совести и может привести к отчаянию. Иуда понял, что совершил; увидел, что его предательство непоправимо: Христос был осужден и умер. Но он не вспомнил, что Господь открыл о Себе и Своем Небесном Отце; он не понял, что Бог не предаст его, как он предал своего Бога. Он потерял всякую надежду, пошел и удавился. Мысль его сосредоточилась только на его грехе, на нем самом, а не на Боге, Отце Иисуса – и его Отце...

Блудный сын возвращается домой, потому что память об отце придает ему силу вернуться. Его исповедь мужественна и совершенна: «Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих». Он осужден собственной совестью, для себя у него нет оправдания, но в прощении есть тайна смирения, который мы должны учиться снова и снова. Мы должны учиться принимать прощение актом веры в любовь другого, в победу любви и жизни, смиренно принимать дар прощения, когда он предлагается. Блудный сын открыл отцу свое сердце – и значит, был готов принять прощение. Когда он приближается к дому, отец видит его, бежит навстречу, обнимает и целует его. Как часто стоял он на пороге, всматриваясь в дорогу, по которой сын ушел от него! Он надеялся и ждал. И вот, наконец, день, когда его надежда исполнилась! Он видит своего сына, который покинул его богато разодетый, украшенный драгоценностями, ни разу не оглянувшись на дом своего детства, потому что все его помыслы и чувства были в неизведанном, манящем будущем; сейчас отец видит его нищим, в лохмотьях, совершенно

подавленным бременем прошлого, которого он стыдится; и без будущего... как-то встретит его отец? «Отче, я согрешил»... Но отец не позволяет ему отречься от сыновства, он как бы говорит ему: «Вернувшись домой, ты вернул мне жизнь; когда ты пытался убить меня, ты убил себя самого; теперь, когда я вновь ожил для тебя, ты тоже вернулся к жизни!» И обернувшись к слугам, отец дает распоряжение: «Принести лучшую одежду и одените его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги»...

Многие переводы, в том числе русский, гласят «лучшую одежду», но в греческом и в славянском тексте говорится о «первой одежде». Разумеется, «первая одежда» могла быть лучшей в доме, но разве не более вероятно, что отец сказал слугам: «Пойдите и найдите ту одежду, которую мой сын носил в день, когда он ушел, ту, что он бросил на пороге, облекшись в ризу измены»? Если ему принесут лучшую одежду, бедняга будет чувствовать себя неуютно, словно ряженный; у него будет ощущение, что он не дома, а в гостях, и его принимают со всеми приличествующими гостеприимству знаками внимания и почета. В уютном домашнем кругу не надевают лучшую одежду. По контексту вернее думать, что отец посылает за одеждой, которую сын сбросил, а отец поднял, сложил и бережно спрягал, как Исаак хранил одежду, принесенную братьями Иосифа, – разноцветную одежду, испачканную, как он считал, кровью погибшего сына. Так и здесь, юноша сбрасывает свои лохмотья и снова надевает знакомую одежду, чуть поношенную, – она ему впору, по росту, уютна, она ему привычна. Он озирается: годы распутства, обмана и неверности, проведенные вне отчего дома, кажутся кошмаром, – словно их и не было вовсе. Он здесь, дома, как будто никуда и не отлучался; на нем одежда, к которой он привык. Отец рядом, только немного постарел, да морщины стали глубже. Вот и слуги, как всегда, почтительны и смотрят на него счастливыми глазами. «Он снова с нами, а мы думали, что он ушел навсегда; он вернулся к жизни, а мы боялись, что причинив смертельное горе отцу, он погубил свою бессмертную душу, уничтожил свою жизнь!»

Это возвращение изгладило пропасть, отрезавшую его от отчего дома. Отец идет и дальше – он вручает ему перстень,

который не просто обычное кольцо. В древности, когда люди не умели писать, любой документ заверялся перстнем с печатью. Дать кому-то свой перстень означало отдать в его руки свою жизнь, свое имение, семью и честь – все. Вспомните Даниила в Вавилоне, Иосифа в Египте: дарованием перстня со своей руки передают им царь и фараон власть управлять от их имени. Подумайте об обмене обручальными кольцами; этот обмен как бы говорит: «Я верю в тебя и полностью вверяю себя в твои руки. Все, что у меня есть, все, что я есть, безраздельно принадлежит тебе». У Кьеркегора есть такие слова: «Когда я говорю – моя страна, моя невеста, это означает, что не я обладаю ими, но что я всецело принадлежу им».

В притче приведен и другой пример этой отдачи самого себя. Сын потребовал половину богатства своего отца, пожелал обладать тем, что получил бы после его смерти, – и ему-то отец сейчас доверяется. Почему? Просто потому, что тот вернулся домой. Отец не просит отчета в том, что сын делал на стране далече. Он не говорит: «Когда ты мне все расскажешь о себе, я посмотрю, стоит ли доверять тебе». Он не говорит, как постоянно, прямо или косвенно, делаем мы, когда к нам приходит кто-то, с кем у нас была ссора: «Что же, я возьму тебя на испытание; попробуем восстановить нашу дружбу, но если я увижу твою неверность, все твоё прошлое припомнится, и я прогоню тебя, потому что прошлое будет свидетельствовать против тебя, явно доказывая твою постоянную неверность». Отец ничего не спрашивает. Он не говорит: «Посмотрим». Он как бы подразумевает: «Ты вернулся. Постараемся вместе загладить ужас твоего отсутствия. Видишь, одежда, которая на тебе, говорит о том, что ничего не произошло. Ты такой же, каким был до ухода. Перстень, который я вручил тебе, служит доказательством, что я не питаю сомнений на твой счет. Все принадлежит тебе, потому что ты мой сын». И он одевает обувь на ноги его, чтобы, как пишет в Послании к ефесянам апостол Павел, они были обуты «в готовности благовествовать мир» (Еф.6:15).

Для пира закалывают откормленного тельца; этот пир – пир Воскресения, уже пир жизни вечной, трапеза Агнца, пир

Царствия. Сын, который был мертв, ожил; он, потерявшийся в земле чуждой, в безвидной пустыне, как говорится в начале книги Бытия, вернулся домой. Отныне сын в Царстве, потому что Царство это – Царство Любви, Царство Отца, Который любит его, спасает, восстанавливает и возвращает к жизни.

Но тут появляется старший сын. Он всегда был хорошим работником в доме отца, и жизнь его безупречна. Но он так и не понял, что главное в отношениях отцовства и сыновства – не работа, а сердце, не долг, а любовь. Он во всем был верен; но отец у него был, сам он был сыном – только внешне. И брата у него не было. Прислушайтесь к тому, что он говорит отцу. Услышав пение и ликование, он подзывает слугу и спрашивает, что все это значит, А слуга отвечает: «Брат твой пришел, и отец твой заколол откормленную теленка, потому что принял его здоровым». Старший сын «осердился и не хотел войти». Отец выходит звать его, но тот говорит: «Вот, я столько лет служу тебе» (слово «служить» по-гречески и по-латински сильное слово, оно означает рабскую обязанность выполнять всякого рода неприятную работу) «и никогда не преступал приказаний твоего»... Он мыслит только в категориях приказаний и преступлений; он никогда не уловил за словами – содержания, в голосе – сердечности, теплоты совместной жизни, в которой и у него и у отца своя роль, – для него все это сводилось к приказаниям и обязанностям, которые он никогда не нарушал. "Но ты, – продолжает он, – никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, растративший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка». Обратите внимание, что он говорит «сын твой», а не «брат мой»: он не желает иметь ничего общего с этим братом. Я знал подобную семью: отец души не чаял в дочери, а сына считал своим несчастьем; он всегда говорил жене: «моя дочь», но «твой сын».

Итак, перед нами ситуация «сын твой». Если бы блудный был «брат мой», все было бы иное: он не преступал бы приказаний отца, но и не получил бы откормленного теленка. Как же отвечает отец? «Сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое». Отец считает его своим сыном. Да, он сын ему, они

всегда вместе, рядом. Для сына же не так: они в полном согласии – а это не одно и то же. У них нет общей жизни, хотя нет и разделения, – они живут вместе, но без единства и глубины. («Все Мое Твое» – слова из молитвы Христа Отцу перед предательством.) «А о том надобно было радоваться и веселиться, – продолжает отец, – что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся».

Итак, путь ведет из глубин греха в отчий дом. Вот что предстоит нам, когда мы решаемся не зависеть больше от общественного мнения и избрать критерием поведения суд Божий, звучащий в голосе совести, открывающийся в Писании, явленный в личности Того, Кто есть Путь, Истина и Жизнь. Как только мы соглашаемся, чтобы Бог и совесть были нашим единственным судьей, пелена спадает с наших глаз; мы становимся способны видеть и понимаем, что такое грех: действие, отрицающее личную реальность Бога и тех, кто нас окружает, сводящее их до положения предметов, которые существуют лишь постольку, поскольку мы можем пользоваться ими без ограничений. Осознав это, мы можем вернуться в себя, освободиться от всего, что крепко держит нас, словно в плену, можем войти в себя и очутиться лицом к лицу с блаженством, которое для этого юноши представляло его детство, время, когда он еще жил в отчем доме.

Вы, наверное, помните то место в конце Евангелия от Матфея, где Христос велит Своим ученикам вернуться в Галилею. Они только что пережили самые ужасные, мучительные дни в своей жизни. Они видели своего Господа в кольце ненависти, видели, как Он был предан, сами по слабости изменили Ему: в Гефсиманском саду их одолел сон и они разбежались при появлении Иуды. Двое из них издали следовали за своим Господом и Богом до двора Каиафы, где они остались со слугами, а не с Ним, как Его ученики. Один из них, Петр, на тайной вечери сказал, что останется верным, если и все Ему изменят, – и он трижды отрекается от Учителя. Они видели Страсти Христовы. Они видели, как Он умирал. И вот они видят Его живым рядом с собой. Иудея олицетворяет для них пустыню, опустошенность, конец всякой жизни и надежды.

Христос отсылает их обратно в Галилею: «Идите туда, где вы впервые увидели Меня, где мы близко общались в обыденной жизни, где не было еще боли, страдания, предательства. Вернитесь к тем дням, когда все было полно невинности и безграничных возможностей. Вернитесь в прошлое, в его глубины. «Идите, научит все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф.28:19–20).

Возвращение вглубь своего «я» ведет в глубину, где мы впервые увидели жизнь, познали жизнь, где мы были живы в Боге вместе с другими людьми. Только из самой сердцевины этого оазиса прошлого, далекого или близкого, можем мы отправиться в дорогу, в обратный путь с обращением «Отче», а не «Судия» на устах, с исповеданием греха и с надеждой, которую ничто не в силах уничтожить, с твердой уверенностью, что Бог никогда не допустит нашей приниженности, что Он стоит на страже нашего человеческого достоинства. Он никогда не позволит нам стать рабами, ибо Его творческим Словом и нашим предназначением мы призваны быть сынами и дочерьми Его по усыновлению. Мы можем идти к Нему с полным доверием, зная, что Он ждал нас все то время, пока мы и не вспоминали о Нем. Он Сам выйдет нам навстречу, когда мы нерешительно приближаемся к дому. Он Сам заключит нас в объятия и оплатит наше жалкое состояние, измерить которое мы не умеем, потому что не знаем, ни откуда мы пали, ни сколь высокое призвание презрели. Мы можем идти к Нему в уверенности, что Он оденет нас в первую одежду, в славу, которой Адам лишился в раю. Он облечет нас во Христа, в Котором вся первожданность, более ранняя, чем весенняя свежесть, в которой мы были рождены. Он – человек, каким его задумал, возжелал Бог. В Него мы должны облечься. Слава Духа Святого покроет нас, обнаженных грехом. Теперь мы знаем, что как только мы возвратимся к Богу, Он вернет нам Свое доверие, даст нам перстень, силой которого Адам разрушил гармонию, вызванную к бытию творческой волей Божией; перстень Единородного Сына, Который умер на кресте из-за человеческого предательства и Чья смерть была победой

над смертью; Чье Воскресение и Вознесение – наше возвращение – уже эсхатологически осуществились в полноте единения с Отцом.

Когда мы возвращаемся в отчий дом, когда остаемся лицом к лицу с судом нашей совести и Бога, суд этот не основывается на глубине нашего богословского видения, он основывается не на том, что один только Бог может нам дать как путь приобщенности к Его жизни. Божий суд основывается на одном: «Ты – человек или ты ниже достоинства человека?» Вы, вероятно, вспомните в этой связи притчу об овцах и козлицах у Матфея (Мф. 25:31–46): «Господи! когда мы видели Тебя алчущим... или жаждущим... или странником... или нагим... или больным... или в темнице?» Если мы не умеем вести себя, как человек, мы никогда не поймем, как вести себя по-Божьи. Если мы возвратились в Отчий дом, если мы должны облечься во Христа, если сияние Духа должно исполнить нас, если мы хотим совершить наше призвание и стать истинными детьми Божиими, Его сынами и дочерьми, мы должны прежде всего изо всех сил постараться добиться того, что в нашей власти – стать человеческими, поскольку чувства товарищества, сострадания, милосердия заложены в нас, независимо от того, хороши мы или дурны.

Мы можем возвратиться к Отцу. Мы можем возвратиться с доверчивой надеждой, потому что Он – хранитель нашего достоинства. Он хочет нашего спасения. Он требует только одного: «Сын Мой, отдай сердце твое Мне» (Притч. 23:26), все остальное Я сам приложу, – как говорит Премудрый. Эта дорога шаг за шагом ведет нас оттуда, где мы находимся, слепые, вне Царства, хотя страстно желаем увидеть его полноту внутри себя и победу его над всем вокруг; эта дорога ведет нас туда, где мы окажемся перед судом Божиим. Мы видим, как прост этот суд, как велика должна быть в нас надежда и как в этой надежде мы можем идти к Богу, твердо зная, что Он Судия, но в первую очередь Он – Искупитель наш, Тот, Кому человек настолько дорог, драгоценен, что мера, цена нашего спасения в Его очах – вся жизнь, вся смерть, все борение и богооставленность, весь ужас, который претерпел Единородный Сын Божий.

Притчи о суде

«От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. Так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф. 24:32, 33, 36, 42).

Когда я читал некоторые места Евангелия или проповедовал на эти тексты, меня неоднократно поражало, что мы провозглашаем Суд как часть Благовестия. «Также услышите о войнах или о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь» (Мф. 24, 6). «Поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (Лк. 21, 28). Даже последние слова книги Откровения, «Ей гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22:20) – передающие чаяние и страстное устремление ранней Церкви, для многих звучит как угроза: они готовы отозваться на них словами молитвы молодого блаженного Августина: «О Боже, даруй это... но еще не сейчас». У многих христиан сама мысль о Суде Божиим вызывает ужас, они думают о возможном осуждении, а не о грядущей победе правды и Бога. Мало кто способен молиться словами одного юноши: «Я люблю Тебя, Боже; если Твоя победа означает мою гибель, пусть я погибну, но пусть придет Твоя победа!» Мы слишком легко забываем обетование Христа: «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24). Мы не чувствуем в этих словах отзвук грядущей победы, либо потому что ждем победы Божией недостаточно цельным сердцем, либо просто по маловерию: подчас даже хорошо известные слова: «Верую, Господи, помоги моему неверию!» (Мк. 9:24) – превосходят нас.

И все же весть о суде – да, благая весть. Она содержит обетование, что Господь придет и соберет Своих детей, и не останется больше страдания и зла. Весть о суде – благая весть

и с другой, менее привычной стороны: из Библии очевидно, что мы не будем судимы по меркам человеческим; мерило, по которому будет оценивать нас Бог – Его абсолютное и неумолимое утверждение, что имеет значение только любовь, причем любовь чистая и полностью воплощенная в жизнь (Иак.2). Нам часто кажется, что это непосильное требование. «Так кто же может спастись?» – изумляются ученики. «Человекам это невозможно, Богу же все возможно», – отвечает Господь (Мф.19:25–26). Сама мера требований – превосходящая человеческие силы – свидетельствует о том, что мы призваны уподобиться Богу, и все, что ниже этого, недостойно человека. Удивительным образом это передано в рассказе Матфея о подати кесарю (Мф. 22:15–22): «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» На первый взгляд: вопрос затрагивает проблему гражданства и общественной ответственности последователей Христа. Но, по слову одного нашего современного богослова, суть дела гораздо глубже? «Что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать», – отвечает Христос, и продолжает: «Чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». То, что носит образ кесаря, принадлежит ему, а то, что носит образ Божий, принадлежит Богу; отдавайте каждому свое – деньги тому, кто чеканит их и запечатлевает своим знаком; но всего себя отдавайте Тому, Чей образ запечатлен в вас. Мы столь же безраздельно Божии, как монеты, которыми платят подать, – кесаревы.

Чтобы до конца понять весь ряд притч Христовых о суде, следует смотреть гораздо шире. Притчи эти затрагивают не столько **действия**, сколько само **бытие**. В сердцевине вопроса о Суде – вера; ведь Сам Христос сказал: «Верующий в Меня спасен будет», но вера гораздо большая, чем та, которая нам привычна: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут мерить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк.16, 17–18).

Но если это строгая и буквальная истина, кто может устоять перед Судом Божиим? Никто, разуме стоя, если к правосудию подходить согласно человеческим понятиям воздаяния, но «мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника. Он есть умилоствление за грехи наши» (1Ин.2,1–2), ибо Он сказал: «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин.12,47). Перед кем же мы предстанем? Кто будет судить нас? Два свидетеля выступят против нас в День Господень – наша совесть и слово Божие. Евангелие говорит: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф.5, 25–26).

Духовные писатели часто отождествляли этого соперника с нашей совестью – естественным и богоданным различием добра и зла. Об этом говорит апостол Павел в Послании к римлянам: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую». Можно с уверенностью сказать, что все это будет учтено в день истинного Суда, в день, когда, – продолжает апостол, «по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа» (Рим.2, 14–16).

Другим обвинителем будет слово Божие, – «слово, которое Я говорил, оно будет судить его (т.е. неверующего. – Ред.) в последний день» (Ин.12,48). Это слово – истина и жизнь, на него отзывается все наше существо, оно может возродить нас, но мы так небрежно отвергаем его. «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?» (Лк. 24:32) – говорят путники, возвращаясь из Эммауса. Но как часто Христос мог бы сказать с печалью: «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин.3,19).

Притча о талантах (Мф.25, 14–30). Господь дает Своим рабам таланты каждому по его силе. Он наделяет их богатыми возможностями в ту меру, какую они могут вместить, и никогда не спросит с них больше, чем Сам дал им. И после этого Он предоставляет нам свободу; мы не покинуты, не забыты, но ни чем не стеснены в действиях: можем свободно быть самими собой и действовать соответственно. Но когда-то придет время отчета, время подведения итогов всей нашей жизни. Что мы сделали со всеми нашими возможностями? Стали ли тем, кем могли стать? Все ли плоды принесли, какие могли? Почему мы не оправдали Божией веры в нас и обманули Его надежды? На эти вопросы отвечает ряд притч. Из той, которую мы сейчас обсуждаем, видно следующее. Вместо того чтобы употребить в дело свои таланты, то есть использовать их, пусть с некоторым риском, неверный раб пошел и закопал свой единственный талант (свою жизнь, свое бытие, самого себя) в землю. Почему он так поступил? Во-первых, потому что оказался труслив и нерешителен, он испугался риска. Он не справился со страхом потери и ее последствий, страхом ответственности. А вместе с тем, без риска ничего не приобретешь. В нашей жизни трусость относится не только к материальным вещам, на которых мы сидим, словно курица на яйцах, да и то, в отличие от нее, ничего не высиживаем! Трусость может обнимать все в нашей жизни, самую жизнь. Стремясь пройти по жизни целыми и невредимыми, мы укрываемся в башне из слоновой кости, закрываем ум, подавляем воображение, сердцем делаемся жесткими, как можно более бесчувственными, потому что больше всего нас страшит, как бы нам не причинили боль, не ранили нас. В результате мы становимся подобными хрупким и легко ранимым морским существам, которые создают вокруг себя твердое покрытие. Оно обеспечивает их безопасность, но держит их, словно в тюрьме, в жестком коралловом панцире, который постепенно удушает их. Защищенность и смерть взаимосвязаны. Только риск и незащищенность совместимы с жизнью.

Итак, первый враг неверного раба – и наш – это трусость, малодушие. Но разве Сам Христос не призывает нас в двух притчах (Лк.14, 28–32) быть благоразумными и не предпринимать то, что нам не по силам? В чем же различие между, с одной стороны, негодным рабом и нами – и мудрыми, благоразумными людьми, какими Он хотел бы нас видеть? Различие это в двух моментах. Люди, которых описывает Христос, охотно были готовы пойти на риск. Они были наделены смелым духом предприимчивости, не удушенной расчетливой и боязливой нерешительностью; они лишь соизмеряли свои силы с возможными препятствиями и действовали, сообразуясь с реальным положением вещей, что также, в сущности есть проявление послушания и смирения. Духом они устремлялись ввысь, они готовы были присоединиться к тем, кто «берет Царствие Небесное усилием», кто жизнь кладет за ближних или ради Бога. А раб, которого извергнул господин, не желал ничем рисковать; он предпочел никак не воспользоваться тем, что получил, лишь бы не подвергнуться опасности потерять полученное.

Здесь мы сталкиваемся с другим моментом притчи: почему он (мы!) так страшлив? Потому что мы рассматриваем Бога и жизнь так же, как он видел своего господина. «Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое» (Мф. 25:24). Он порочит своего господина, как мы порочим Бога и жизнь. «Я знал, что ты жесток; что толку пытаться?.. Возьми, что принадлежит тебе!» Но что же принадлежит Богу? Ответ, как я уже сказал, можно найти в притче о подати. Мы целиком принадлежим Богу. Сами ли мы возвращаем Ему, Он ли забирает Свое – ничего не остается у нас, ни от нас самих. Это выражено в Евангелии так: «Возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов... а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю... ибо у неимевшего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:28–29). То есть само его существо, существование или, как говорит Лука, «и то, что он думает иметь» (Лк. 8,18), а именно, талант, который он спрятал, оставил неиспользованным, и тем самым отнял и у Бога и у

людей. Здесь трагически исполняется сказанное Христом: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:37). Не сказал ли раб, не говорим ли мы: «Я знал тебя, что ты господин жестокий»? В таком случае, надеяться не на что?.. – Надежда есть! Она основывается на слове Господа, которое содержит и предостережение, и обещание: «Каким судом судите, таким будете судимы» (Мф. 7:2), и: «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1). Апостол Павел изъясняет это следующим образом: «Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает» (Рим. 14,4). Все эти отрывки наглядно поясняются другой притчей Христовой о Немилосердном Заимодавце (Мф.18,23–35): «Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?.. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца брату своему согрешений его».

Но мы не устоим перед судом Божиим не только потому, что малодушны и клеветаем на Бога и на жизнь. Наряду с другими местами, главы 24 и 25 Евангелия от Матфея раскрывают нам еще иное.

Притча о днях Ноя (Мф.24,37–41) и Притча о Лоте (Лк. 17,28–30). Чем провинились эти люди? Они были добродушны, веселы и беспечны. Ничего плохого они не делали. Почему же пришел потоп и поглотил их? Не потому ли, во-первых, что они не делали добра (жизнь не заключается в том, чтобы воздерживаться от зла, то есть от «расточения», а в том, чтобы делать добро, то есть «собирать» со Христом Богом; Мф.12,30); а во-вторых, не потому ли, что они сделали «плотскими», то есть потеряли духовное начало, стали покорными, ручными и жадными животными? Насколько это приложимо к нам? Мы всегда склонны оставить духовный подвиг, творческие, но дорого стоящие нам усилия, самоотверженную борьбу, мы предпочитаем стать ленивыми и слабыми – ведь тогда мы можем сказать: «Я не делаю ничего дурного! Пусть лично я и грешу, но что от этого другим? Я славный малый,

общительный и уживчивый. Кого касается, что я наслаждаюсь жизнью, пью, курю, люблю азартные игры..?» Увы, касается! Потому что по отношению друг к другу мы не обособленные части некоего материального целого, а живые члены, поэтому, когда в нашем лице не состоится потенциальный святой, человек Божий, из-за нас все человечество обкрадывается, лишается Духа Божия.

Еще одно, за что мы подлежим осуждению, раскрывается в **Притче о Злом Рабе** (Мф.24,45–51). Этот человек даже не добродушен, не добр. Он жаждет удовольствий. Он видит, что господин медлит с приходом. (Но медлит ли Он? Не прав ли Апостол, говоря: «Не медлит Господь... но долго терпит нас». – 2Пет.3,9). И вот, воспользовавшись отсутствием своего господина, предоставленной ему властью и свободой действий, раб употребляет их на удовлетворение своих прихотей за счет других слуг. Берегитесь! Он не очень-то отличается от безответственных современников Ноя и Лота, да и от нас. Просто, он жаднее, обстоятельства позволяют ему удовлетворять свои запросы, свою порочность, свое стремление к власти. Он тоже некоторое время упивается безнаказанностью. Он знает, что поступает дурно, и находит в этом удовольствие; он, вероятно, смеется над отсутствующим господином. Как легко человеку скатиться от добродушия к свирепой жестокости; как быстро киска проявляет свою внутреннюю суть и превращается в кровожадного зверя. Бодрствуйте! Не Сам ли Господь нас предупредил: «У дверей грех лежит» (Быт.4,7). «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет... Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24:42, 44).

И еще одно предостережение слышим мы в **Притче о Десяти Девах** (Мф.25, 1–13).

Сказать по совести, мне не нравятся мудрые девы. Я бы предпочел, чтобы они отдали все свое масло неразумным и были отлучены ради них (см. Рим.9,1–3) в акте благородного безрассудства. Но в данном случае Христос говорит не об этом. «Бодрствуйте!» – вот что имел Он в виду. Сколько среди нас

таких, кто спит всю жизнь! Этому есть названия: мечтательность, игра воображения... На самом же деле это дремота; реальность превращаете в мечту, а мечты обретают убедительность, и вот наши дни превращаются в ночи, а вся жизнь становится сном наяву. К тому же, стоит нам прикрыть глаза – и наступает ночь, и мы будто вправе уснуть. Не пребываем ли мы все в ночном мраке? И не наше ли состояние имеет в виду Господь, говоря словами Исайи: «Воспряни, воспряни, восстань!» (Ис. 51:17) Горят ли еще наши светильники? Мудрые ли мы девы?.. А те из нас, кто считает мудрых дев эгоистичными, не грешат ли тем же? Способны ли мы пробудиться от нашей дремоты бодрыми и любящими, готовы ли мы пожертвовать собственной крошечной реальностью (последней вспышкой наших угасающих светильников) ради других, кто также пробудился от окрика в ночи и с ужасом обнаружил, что пока они спали, в их жизни не осталось ни капли реальности? Сон, мечты, нереальность – неужели, кроме этого, в нас ничего нет? Неужели День Господень застигнет нас, как вор, и лишит нас последнего? Неужели нашим уделом будет тьма кромешная, ужас и стенание?

Где же можно найти основание для надежды? Как ни парадоксально, во всяком случае, достаточно неожиданно, в **Притче об овцах и козлицах** (Мф. 25, 31–46).

По какому-то недоразумению именно эту притчу чаще всего приводят как иллюстрацию суда, как утверждение его безнадежной окончательности. А ведь она открывает нам нечто существенное – и не о смерти, не об осуждении или спасении, а о жизни: ни грешников, ни праведников Бог не спрашивает об их убеждениях или о соблюдении обрядов. Господь взвешивает только степень их человечности: «Я жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня, был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне...» (Мф. 25:35–36) Человечность же требует воображения, чуткости к реальной ситуации, чувства юмора и полного любви попечения в отношении подлинных нужд и желаний объекта или, лучше сказать, жертвы нашей заботы.

Понять это поможет нам рассказ из жизни отцов-пустынников. Имея блестящее положение в общественной и политической жизни при Византийском дворе, преподобный Арсений удалился в египетскую пустыню, стремясь к полному одиночеству и созерцательному безмолвию. Одна придворная дама, страстная его почитательница, отыскала его в пустыне и, припав к его ногам, воскликнула: «Отче! я предприняла это опасное путешествие, чтобы увидеть тебя и услышать одноединственное указание, которое клянусь хранить всю свою жизнь!» – «Если ты действительно обещаешь никогда не нарушать моей воли, то вот тебе моя заповедь: когда узнаешь, что я в одном месте, то иди в другое!» Не то же ли многие могли бы сказать доброхотам, чьи благие устремления они обречены сносить?

Мне кажется, что суть притчи об овцах и козлищах в следующем: если ты истинно и мудро человек, то ты можешь вступить в область Божественную, иметь участие в том, что принадлежит Богу, поскольку Жизнь Вечная есть нечто иное, как жизнь Божия, которой Он делится со Своими созданиями. Сохранив верность в малом, мы получим многое; достойно прожив на земле, мы сможем жить Жизнью Небесной, стать «причастниками Божеского естества» (2Пет. 1:4), исполненными Его Духа. Если мы были добрыми управителями того, что не принадлежало нам (все дары Божии), мы получим и личную собственность, что ярко изображено в **притче о Неверном Управителе** (Лук. 16:1–9).

Столь долгое размышление над некоторыми притчами о Суде должно подвигнуть нас войти внутрь себя и исследовать собственную жизнь и собственную душу. И я предлагаю вам, просто в качестве образца, чрезвычайно полезный текст. Он взят из книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» – книги, ставшей классикой русской духовной литературы девятнадцатого века¹.

«Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближнему, не верю

ничему религиозному и преисполнен гордостью и сластолюбием. (...)

1) Я не люблю Бога. Ибо если бы я любил Его, то непрестанно размышлял бы о Нем с сердечным удовольствием; каждая мысль о Боге доставляла бы мне отрадное наслаждение. Напротив, я гора» до охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование с Ним чрез молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с ним; но, напротив, я не токмо не наслаждаюсь молитвою, но еще при занятии ею чувствую труд, борюсь с неохотою, расслабляюсь лению и готов с охотою чем-нибудь маловажным заняться, чтобы только сократить или престать от молитвы. В пустых занятиях время мое летит неприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие, каждый час мне кажется годом. Кто кого любит, тот в продолжении дня беспрестанно о нем мыслит, воображает его, заботиться о нем и при всех занятиях любимый друг его не выходит из его мыслей; а я в продолжение дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге и воспламенить себя к Его любви, а двадцать три часа охотно приношу ревностные жертвы страстным моим идолам!.. В беседах о предметах суетных, о предметах низких для духа, я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив. Если же и невольно бываю увлечен другими к беседе божественной, то стараюсь скорее переходить к беседе, льстящей страстям моим. Неутомимо любопытствую о новостях, о гражданских постановлениях, о политических происшествиях; алчно ищу удовлетворения моей любознательности в науках светских, в художествах, в приобретениях, а поучение в Законе Господнем, познании о Боге, о религии не делает на меня впечатления, не питает души моей, и я сие почитаю не токмо несущественным занятием христианина, но как бы сторонним и побочным предметом, коим я должен заниматься разве только в свободное время, на досуге. Кратко сказать, если любовь к Богу познается по исполнению Его заповедей: «аще любите Мя, заповеди Моя

соблюдайте» (Ин. 14:15), говорит Господь Иисус Христос, а я заповедей Его не токмо не соблюдаю, но даже и мало стараюсь о сем, то по самой чистой истине следует заключить, что я не люблю Бога... Сие утверждает и Василий Великий, говоря: «Доказательством, что человек не любит Бога и Христа Его, есть то, что он не соблюдает заповедей Его» (Нрав.пр.3).

2) Я не имею любви к ближнему. Ибо не только не могу решиться для блага ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не пожертвую моею честью, благом и спокойствием для блага ближнего. Если бы я любил его по Евангельской заповеди, как самого себя, то несчастье его поражало бы и меня, благополучие его приводило бы и меня в восхищение. А, напротив, я выслушиваю любопытнее несчастные повести о ближнем, не сокрушаюсь, а бываю равнодушным или, что еще преступнее, нахожу как бы удовольствие в оном и худые поступки брата моего не покрываю любовью, но с осуждением их разглашаю. Благосостояние, честь и счастье его не восхищают меня, как собственные, а совершенно, как все чуждое, не производят во мне радостного чувства, но еще тонко возбуждают во мне как бы зависть или презрение.

3) Я не верю ничему религиозному. Ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден, и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная с возмездием за дела земные, то я беспрестанно размышлял бы об этом; самая мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я провожал бы жизнь сию как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности и конец настоящей жизни почитаю как бы пределом моего существования. Тайная мысль гнездится во мне: кто знает, что будет по смерти? Если и говорю, что верю бессмертию, то это говорю только по разуму, а сердце мое далече отстоит от твердого убеждения в оном, что открыто свидетельствуют поступки мои и постоянная забота о благоустройстве чувственной жизни. Когда бы святое Евангелие, как слово Божие, было с верою принято в мое сердце, я бы беспрестанно занимался оным, изучал бы его, наслаждался бы им и с глубоким благоговением даже взирал бы на него.

Премудрость, благость и любовь, в нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я наслаждался бы поучением в Законе Божиим день и ночь, питался бы им, как повседневною пищею, и сердечно влекся бы к исполнению его правил. Ничто земное не сильно было бы отклонить меня от того, напротив, если я изредка и читаю или слушаю слово Божие, но и то или по необходимости или по любознательности, и при чем не входя в глубочайшее внимание, чувствую сухость, не занимательность и, как бы обыкновенное чтение, оставляю без всякого плода и охотно готов заменить его чтением светским, в коем нахожу более удовольствия, более новых занимательных предметов.

4) Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия.

Все поступки мои сие подтверждают: видя в себе доброе, желаю поставить его на вид, или превозношусь им перед другими, или внутренне люблюсь собой; хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и почитаю себя превосходнейшим других или, по крайней мере, не худшим; если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиною необходимости или невинности, сержусь на неуважающих меня, почитая их неумеющими ценить людей; дарованиями тщеславлюсь: неудачи в предприятиях почитаю для себя оскорбительными, ропщу и радуюсь несчастью врагов моих; если я стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью или похвалу, или своекорыстие духовное, или светское утешение. Словом, – я непрестанно творю из себя собственного кумира, которому совершаю непрерывное служение, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых своих страстей и похотений.

Из сего перечисленного я вижу себя гордым, любодейным, неверующим, нелюбящим Бога и ненавидящим ближнего. Какое состояние может быть греховнее? Состояние духов тьмы лучше моего положения: они хотя не любят Бога, ненавидят человека, живут и питаются гордостью, но по крайней мере веруют, трепещут от веры. А я? Может ли быть участь бедственнее той, которая предстоит мне? И за что строже и наказательнее будет определение суда, как не за таковую невнимательность и безрассудную жизнь, которую я сознаю в себе!»...

До тех пор, пока у нас не будет твердой надежды на прощение, Суд будет представляться нам сплошным ужасом. А дар прощения незримо содержится в Божией и человеческой любви. Но недостаточно иметь обетование прощения, нужно еще быть готовым получить и принять его.

Очень часто прощение предлагается нам, но мы отказываемся от него: для нашей гордыни прощение кажется последним унижением, мы стараемся уклониться от него, рядясь в ложное смирение: «Я не могу простить себе то, что сделал, как же я могу принять прощение. Я высоко ценю вашу доброту, но совесть моя слишком взыскательна, слишком чутка, я не могу воспользоваться вашей любезностью...» Мы и слово-то такое выбираем – «любезность», чтобы представить предложенный нам дар как можно более незначительным, а свой отказ преподнести в наиболее оскорбительной для нашего великодушного друга форме. Разумеется, мы не можем, не смеем простить себя ни при каких обстоятельствах! Было бы чудовищно, если бы мы оказались способны на это; это просто означало бы, что мы крайне легкомысленно относимся к неблагоприятному поступку, который совершили, к ране, которую нанесли, к боли, страданию, муке, которую мы причинили. (Увы! Мы так и поступаем всякий раз, когда нам неприятно видеть того, кого мы обидели «сверх меры». «Ну сколько можно дуться? Хватит плакать! Ведь я же сказал, что извиняюсь, чего тебе еще?» В переводе на обычный язык эти слова означают: «Я уже давно простил себя, сколько же я должен ждать, пока ты меня простишь?») Избави Бог, чтобы мы когда-нибудь смогли простить себя, но мы должны научиться, никогда не допустив этого, вместе с тем быть способными принимать и получать щедрый дар прощения от другого человека. Отказаться от него – все равно что сказать: «В сущности, я не верю, что любовь заглаживает все грехи, да и в твою любовь не верю». Мы должны согласиться быть прощенными актом смелой веры и благородной надежды, смиренно принять этот дар, как чудо, которое может сотворить только любовь – человеческая и Божественная, и навсегда сохранить благодарность за этот дар,

за его возрождающую, исцеляющую и восстанавливающую нас силу.

Не следует ожидать прощения как следствия того, что мы переменились к лучшему; нельзя также делать подобную перемену условием для прощения других; нет, только потому что мы прощены, что мы любимы, можно начать меняться, а не наоборот. Этого не следует забывать, хотя, к сожалению, мы постоянно так поступаем.

Не следует также смешивать прощение и забвение или полагать, что одно связано с другим. Эти понятия не только не близки, они взаимно исключают друг друга. Стереть память о прошлом – не имеет ничего общего с созидательным, творческим, плодоносным прощением. Из прошлого необходимо искоренить только смертоносный яд: горечь, обиду, отчуждение, но не память.

Истинное прощение начинается в тот момент, когда жертва несправедливости, жестокости, клеветы принимает обидчика таким, каков он есть, просто потому, что он вернулся, как блудный сын; отец ведь не задавал ему вопросов, не предъявлял никаких требований, не поставил никаких условий его восстановления в кругу семьи. Божие прощение уже принадлежит нам с того момента, когда Бог взял на Себя бремя нашего падения и все его последствия, когда Сын Божий стал «Мужем Скорбей» (Ис.53:3), а вовсе не с момента, когда мы становимся святыми! Бог уже даровал прощение, когда сказал: «Я готов умереть за тебя; Я ведь люблю тебя!» Точно так же рождается прощение между людьми. Когда после бурной семейной сцены виновник просто возвращается, не находя слов – либо по самолюбию, либо от робости, либо просто от скованности страхом, его восстановление начинается с момента, когда родные говорят ему: «Но мы же не переставали любить тебя; отбрось все страхи, мы любим тебя! Как тяжело всем было, но теперь ты вернулся, и все пройдет». И это может и должен сделать тот, кто прав, потому что ему это сделать гораздо легче, чем тому, кто неправ; кроме того, правый разделяет с обидчиком вину за разрыв, за ссору и также должен загладить ее. Тому, кто прав, следует сделать первый шаг к

примирению. Как-то ко мне пришел довольно высокопоставленный человек и сказал, что его друг, притязавший на высокую духовность, обидел его. «Кто должен первым пойти мириться?» – спросил он. «Не могу ответить на ваш вопрос, – сказал я ему, – потому что не берусь быть судьей между вами; одно мне ясно: тот из вас, кто мелочнее, будет ждать, чтобы первый шаг сделал другой». Этот важный человек, не сказав ни слова, отправился мириться со своим другом. Тщеславие подвигло его на то, чего не могло достичь ни смирение, ни мудрость, ни просто дружеские чувства... Как жаль... Насколько отличается от этого щедрое, полное любви и великодушия прощение, которое отец даровал блудному сыну!

И, однако, прощение ни в коем случае не является концом проблемы. В далекой стране отчуждения отверженец, обидчик не мог не научиться тому, что вызывает отвращение у его родных и друзей. Вероятно, запах свиного закута крепко въелся в блудного, да и привычки беспутной жизни не исчезнут в одну ночь; ему придется отучаться от них постепенно, возможно – очень долго. Скорее всего, он растерял многие приличные манеры, свойственные ему с детства в доме отца; ему придется потихоньку снова приобретать их. А его семья сможет принять его, восстановить и исцелить лишь в той мере, в какой члены ее будут помнить (и не забывать) о его слабости, об изъянах его характера, о дурных привычках, которые он приобрел. Но помнить без затаенного недовольства, без чувства превосходства, не со стыдом, а с болью сострадания, того сострадания, благодаря которому «благодать преизобилует там, где умножается грех» (см. Рим.5, 20); с твердой решимостью никогда не забывать, от чего надо ограждать любимого – от его естественной хрупкости, от приобретенной им слабости. Иначе тот, кто нуждается в нашей целительной помощи и защите, будет подвергаться непосильному искушению и станет жертвой бесконечных горьких упреков. Простить и взять на испытание – две совершенно разные вещи. Простить – значит принять другого, «как Христос принял нас», значит «носить бремена друг друга» (Гал. 6:2), как Он несет наше бремя – бремя

одновременно и жертвы и обидчика – с радостной, благодарной любовью к одним, с радостной, жертвенной любовью к другим.

Так поступает Бог. Крест Его свидетельствует о Его вере в человечество и в каждого отдельного человека, о Его несокрушимой надежде; вот почему Его смерть становится нашей жизнью, а Его Воскресение – самой Вечностью для нас.

Цель пути

Воскресение и Крест

«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1Кор.1,22–25).

Смерть, где теперь твое жало?!

Ад, где теперь твоя победа?!

Воскрес Христос, и пали демоны!

Воскрес Христос, и радуются ангелы!

Воскрес Христос, и торжествует жизнь!

Воскрес Христос, и мертвые выходят из гробов!

Ибо Христос, восстав из гроба, положил начало общему воскресению из мертвых. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Не следует ни на миг забывать, что конец и цель нашего путешествия – встреча с воскресшим Христом. Некоторые люди готовы признать, сколь важное место Воскресение занимало в опыте апостолов, но не в состоянии понять, каким образом этот апостольский опыт может иметь центральное значение и для нас. Но разве достаточно нам верить на слово другим и основывать свою веру на чем-то совершенно недоказуемом? Я бы хотел подчеркнуть тот факт, что из всех мировых исторических событий Воскресение Христово принадлежит в равной мере к прошлому и к реальности сегодняшнего дня. Христос, Который умер на Кресте в определенный день, Христос, Который воскрес из гроба в Своей прославленной человеческой плоти в определенный день, принадлежит прошлому как исторический факт; но Христос воскресший живет вечно в славе Отчей, принадлежит истории каждого дня, каждого момента, потому что, согласно Его обещанию, Он, ожив, пребывает с нами ныне и во веки веков. С этой точки зрения христианский опыт в самом существе своем связан с событием Воскресения, потому что это единственное

евангельское событие, которое может стать частью нашего личного опыта. Все остальное мы воспринимаем из письменного или устного предания: описание Страстей, различные события, о которых повествует Священное Писание, но Воскресение мы знаем, лично; в противном случае нам не ведом изначальный, основополагающий факт жизни Церкви и христианской веры. Святой Симеон Новый Богослов сказал: «Как может тот, кто не познал Воскресения в этой жизни, надеяться открыть его и насладиться им по смерти?» Только опыт Воскресения и Жизни Вечной может превратить смерть тела в сон, а самую смерть во врата Жизни.

Если такое ясное и четкое утверждение вызывает вопросы, если в ответ на него вам приходится спросить себя, находитесь ли вы внутри христианского опыта, – прекрасно! Это центральный опыт, без которого нет христианина, нет христианства; без него наша вера – не вера, а легкоеверие, не уверенность в невидимом, а способность принимать чужие недоказуемые свидетельства, основанные единственно на том, что кто-то сказал нечто как будто невероятное, но что, тем не менее, по причинам также малоосновательным, мы готовы принять.

Обратимся теперь к самому событию Воскресения и спросим себя, почему оно столь центрально, почему апостол Павел мог сказать: «Если Христос не воскрес,... то мы несчастнее всех человеков... и вера наша тщетна...» (1Кор. 15:14, 19) Действительно, если Христос не воскрес, то вся наша вера, вся наша убежденность, наша внутренняя жизнь, наша надежда – все покоится на лжи, все основывается на чем-то, чего никогда не было и что не может служить основанием ни для чего.

Давайте подумаем теперь отдельно об апостоле Павле и о двенадцати апостолах. Апостол Павел, еврей из евреев, ученик выдающихся наставников, человек пламенной веры, укорененной в Священном Писании, ревностный поборник предания отцов; апостол Павел, который мог бы встретить Христа, который безусловно сталкивался с учениками Христа и не упустил ни одной возможности узнать, понять этого нового

Пророка и составить о Нем мнение; апостол Павел, сопоставив все, что ему стало известно о Нем, с тем, что он познал из Священного Писания и из свидетельства иудейской общины – отверг Христа. При всей своей вере в пришествие Мессии, он не сумел узнать Мессию, когда тот пришел. С намерением искоренить первые ростки христианской веры отправился он из Иерусалима в Дамаск; и именно на этом пути он, гонитель, столкнулся лицом к лицу с Воскресшим Христом. Эта встреча придала абсолютное значение и ценность всему тому, что он прежде отвергал. Встретив Воскресшего Христа, он познал с непосредственной и ослепляющей убедительностью, что Тот, Кто умер на кресте, в Ком он отказывался признать Мессию, был воистину Тот, Кого чаял Израиль.

Потому что Христос предстал перед ним живой после реальной смерти, Павел мог признать, что все, что Христос говорил о Себе, и все таинственные и прикровенные указания относительно прихода Мессии – истина и относится к галилейскому Пророку. Только в свете Воскресения для него и для многих стало возможно принять верой все Евангелие. Только в свете Воскресения можно признать Сына Божия в Том, Кто умер на кресте, и можно принять с убежденностью и уверенностью весь евангельский рассказ, начиная с Благовещения, рождения от Девы, чудес и свидетельств Христа о Себе, подтвержденных свидетельством от Бога о Своем Помазаннике.

Может быть, и этого достаточно, чтобы мы могли постичь один из существенных аспектов Воскресения и все его значение; но если мы обратимся теперь к двенадцати апостолам, мы увидим, что Воскресение означает еще нечто даже большее – если только это возможно. В опыте двенадцати апостолов смерть Христа на кресте была событием гораздо большим и значительным, чем смерть друга, наставника и учителя. Они не просто оплакивали потерю любимого Друга, поражение Вождя, в победе которого были уверены. Если мы внимательно вчитаемся в Евангелие, посмотрим, какие отношения были между апостолами и Господом, мы увидим, как мало-помалу растет близость между Учителем и учениками.

Они пришли к нему кто с верой, кто скептически («Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин.1:46)) они прошли через многие колебания и сомнения и были совершенно захвачены не только тем, что проповедал Христос, но всей Его личностью. Прежде распятия их можно рассматривать, действительно, как обособленную от всего мира группу людей, в полном смысле слова «избранных и искупленных». Христос стал абсолютным центром их жизни. Когда Христос обратился к Своим ученикам и спросил, не хотят ли они оставить Его, Петр ответил: «Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6:68) Мы видим группу людей, собранную вокруг Того, Кто есть Жизнь Вечная, явившаяся среди преходящего, временного мира, в который грех человеческий ввел смерть и тление; и эта группа людей не может существовать вне своей связи со Христом не потому, что их соединяют узы любви, дружбы, лояльности, а потому что в нем они уже опытно пережили Жизнь Вечную, новое измерение – измерение не личных отношений, а онтологическое, сущностное. И это не просто более полная, более богатая, более прекрасная жизнь, – это инобытие, которое Христос даровал им.

И когда Христос умер на кресте, отверженный, преданный теми, кто был вне этого круга любви, вне этой тайны Божественной, сущностной, воплощенной, действенной, преображающей любви – речь шла не о смерти друга и наставника: то была гораздо более глубокая трагедия. Если Христос во всей полноте того, что Он представлял Собой, мог умереть на кресте, значит, человеческая ненависть сильнее Божественной Любви; человеческая ненависть препобедила Божественную Любовь, вывела Христа из града человеческого, отвергла Его и убила на Голгофе. И вместе с этой смертью Божественной Любви с этим отвержением потеряна также Жизнь Вечная в человечестве: она была отринута. Божественная Любовь так была предложена человеку, что была одновременно и упреком и величайшей надеждой, и эта Любовь отвергнута; что же тогда остается человеку? Лишь то, что всегда у него было: потемки, где идет борьба в отделенности от Христа, сумерки, которые содержат сколько-то добра, сколько-

то ненависти и очень много безразличия, сумерки, где люди чужды друг другу, где отношения непрочны, привязанность хрупка и постоянно исчезает...

Но что же стало с этими людьми, которые были едины со Христом, которые опытно пережили присутствие Живого Бога в своей среде? Все, что им осталось – это терпеливо переносить, влачить существование, но жизни им не осталось. С тех пор, как они вкусили Жизнь Вечную, призрачное временное бытие, которое завершается тлением и смертью, которое все сводится к будущему конечному поражению, обещает лишь возвращение в прах – отныне это бытие следует называть не жизнью, а преддверием смерти. Поэтому когда Писание, образно или прямо, доводит до нашего сознания, что в смерти Христа мы все умерли в той мере, в какой мы уподобились Ему и стали с Ним едины, и что в Его Воскресении мы возвращаемся к Жизни вместе с Ним, оно говорит о чем-то абсолютно конкретном и реальном. Но в этом есть нечто, чего мы не можем постичь с тем же трагизмом, полным мрака, который объял апостолов; нам это недоступно по вполне простой и очевидной причине: в Страстную пятницу, как бы мы ни силились погрузиться целиком в ее трагедию, мы твердо знаем, что не пройдет трех дней, как мы будем петь Воскресение. Мы не можем изгладить из памяти Христово Воскресение, и не только потому что из года в год мы вновь и вновь переживаем его и не в силах этого забыть, а потому что, как члены Тела Христова, как христиане, включенные в тайну Всецелого Христа – в Церковь, мы носим в себе эту Жизнь Вечную, свидетельствующую о том, что тьма Страстной пятницы уже преодолена. Преодолена она уже в нас самих, в наших глубинах уже горит свет, уже присутствует жизнь; победа хотя бы отчасти уже одержана. И даже в сердцевине Страстной Пятницы мы не можем не помнить о грядущем Воскресении.

Но для апостолов Великая пятница была последним днем недели и последним днем жизни, как они ее познали. На следующий день, день перед Воскресением, тьма была такая же плотная, густая и непроницаемая, как и в день Распятия, и если бы не произошло Воскресение, все остальные дни года и

все дни их жизни были бы днями абсолютной тьмы, днями, когда Бог мертв, побежден, когда Бог оказался окончательно и бесповоротно изгнан из общества человеческого. И если помнить о том единстве, которое постепенно образовалось между Христом и Его учениками, так что их жизнь стала Его жизнью и они действовали, видели, чувствовали и воспринимали все в Нем и через Него, вы поймете, что Его смерть была не только этой полной и безвозвратной тьмой Великой пятницы (для них – последнего дня истории), но была их собственной смертью, потому что жизнь у них отняли; они не могли больше жить, им осталось лишь существовать.

Тогда вы можете понять, почему для апостолов Воскресение было полной новизной, решающим событием. Когда на третий день Христос явился им при закрытых дверях, первой их мыслью было, что это галлюцинация, видение. Потом и при всех других Своих явлениях после Воскресения, о которых говорится в Евангелии, Христос подчеркивает, что Он не дух, не призрак, что Он – подлинное телесное явление. Он делит с учениками пищу. И ясно, почему первые слова Христа были словами утешения: "Мир вам!" (Ин. 20:21) Он приносит им мир, отнятый Его смертью, которая была и их смертью; Он освободил их от абсолютно беспросветного смятения, в которое они погрузились, от сумерек, в которых невозможно было различить Жизнь, от этой преходящей жизни, из которой ушла, была изъята Вечность. Он дал им мир, который только Он и мог дать, мир, который «превыше всякого ума» (Фил. 4:7), мир, который восстанавливает к Жизни за пределом всякого сомнения, всякого колебания, в твердой уверенности людей, которые, будучи живыми, не могут сомневаться в будущей жизни: она уже пришла благодаря Воскресению Христову и дару Святого Духа.

Мы тоже должны опытно познать радость Воскресения, но это возможно, только если сначала мы познаем трагедию Креста. Для того чтобы возродиться, мы должны умереть – умереть для связывающей нас самости, для наших страхов, умереть для всего того, что делает мир столь узким, холодным, бедным, жестоким. Умереть, чтобы наши души могли жить,

могли радоваться, могли открыть весну жизни. В таком случае Воскресение Христово дойдет и до нас. Но без смерти на Кресте нет Воскресения и его радости – радости возрожденной жизни, радости жизни, которую никто больше не в силах отнять у нас! Радости жизни преизбыточествующей, которая, словно поток, устремляется с высоты и несет с собой само Небо, которое отражается в его сверкающих водах. Воскресение Христа – такая же историческая реальность, как и Его смерть на Кресте, и именно потому, что оно принадлежит истории, мы верим в него. Не только сердцем, но всем целостным нашим опытом мы знаем воскресшего Христа. Мы можем знать Его изо дня в день, как знали Его апостолы. Не Христа во плоти, не Христа, каким Его с изумлением видели окружавшие его люди во дни Его земной жизни, но вечно живого, бессмертного Христа, Христа, которого, как говорит апостол Павел, мы знаем духом, воскресшего Христа, Который принадлежит времени и вечности, потому что, однажды умерев на кресте, Он живет вечно. Воскресение Христа – единственное, неповторимое событие, которое принадлежит равно прошлому и настоящему. Прошлому, потому что оно произошло в определенный день, в определенном месте, в определенный момент, потому что его видели и познали как событие во времени, в жизни тех, кто знал Христа. Но оно также принадлежит и каждому дню, потому что Христос, однажды воскреснув, жив вечно, и каждый из нас может знать Его лично; и пока мы не познали Его лично, мы не знаем еще, что значит быть христианином.

Вернемся к Великой пятнице, когда Христос умер на Кресте ради того, чтобы мы смогли жить. В православном песнопении говорится: «О Жизнь вечная, как Ты умираешь!? О Свет невечерний, как Ты угасаешь!?» Действительно, кажется, что Сама Жизнь Вечная сошла в могилу, кажется, что Сам Свет Предвечный, слава Божия, открывшаяся нам в Сыне Его, погас и навсегда зашел от нас. Чтобы понять смысл, значение Великой пятницы, спасительной смерти Христа, мы должны постичь смысл Воплощения. Каждый из нас рождается во временный мир из небытия. Мы вступаем в мимоходящую, непрочную жизнь для того, чтобы вырасти в неколебимую Жизнь

Вечную. Призванные из небытия творческим словом Божиим, мы вступаем во время, но внутри времени можем обрести вечность, потому что вечность это не просто бесконечный поток времени. Вечность не есть нечто, она – Некто. Вечность это Сам Бог, Которого мы можем встретить в преходящем течении времени и через эту встречу благодаря общению в благодати и любви, которое Бог предлагает нам во взаимной свободе, мы можем также вступить в вечность и разделить собственную Божию жизнь, стать, по смелому слову апостола Павла, «причастниками Божеского естества» (2Пет. 1:4).

Рождение Сына Божия непохоже на наше. Он не вступает из небытия во время. Его рождение – не начало все возрастающей жизни; оно есть ограничение той полноты, которую Он имеет прежде начала мира. Он обладает вечной славой Отчей прежде всех веков и вступает в наш мир, в тварный мир, куда человек внес грех, страдание, смерть. Рождение Христа не является для Него началом жизни, а началом смерти. Он принимает все, что составляет условия нашего бытия, и первый день Его жизни на земле есть первый день Его восхождения на Крест.

В Его смерти есть нечто, что принадлежит Ему Одному. Мы спасены смертью Христа не потому, что она была чрезвычайно жестока. На протяжении веков неисчислимое множество мужчин, женщин и детей претерпевали не меньшие страдания. Многие сгорели в огне, многие замерзли, иные умирали, истерзанные мучительной болезнью, другие претерпевали пытки и заключение в концлагерях, пережили ужасы войны. Смерть Христа единственна тем, что Иисус из Назарета не мог умереть. И не Воскресение Его – невероятное чудо, а Его смерть. Мы знаем из писаний апостола Павла, из веры церковной, что смерть – следствие греха, понятого как наше отпадение от общения с Богом. А Христос – Сам Бог воплощенный; неотделимое от Его Божества, Его человечество, истинное Его человечество за пределами смерти. Воплощенный Сын Божий в самой Своей плоти, самом Своем человечестве не подвластен тлению и умиранию. И, однако, Он умирает, В этом парадокс и трагедия, не знающая себе равных. Один православный святой

говорит, что в Воплощении Христа сошлись два события. С одной стороны, Он становится человеком и открывает, являет нам подлинное человечество, к которому мы призваны, человечество, укорененное в самой Божественной жизни, неотделимое от Бога, неподвластное смерти. Но чтобы стать одним из нас, истинно разделить наши страдания и отверженность, Христос берет на Себя все тягчайшее бремя человеческого состояния, все ограничения, по существу чуждые Его прославленному человечеству: боль и усталость, голод и жажду, самую возможность смерти; и когда час Его приходит, Он умирает на Кресте нашей смертью, но смертью более страшной, чем наша. Мы умираем потому, что вымираем, тело наше увядает и отпадает, мы не можем дальше жить. Если в течение этой преходящей жизни мы достигли познания Бога, общей с Ним жизни, тогда умирание для нас – уже не поражение, а новый избыток и полнота жизни, как говорит об этом апостол Павел, когда пишет, что смерть для него означает не потерю жизни, а облечение в жизнь вечную. И, однако, смерть – всегда трагедия для нас; тело и душа разлучаются, цельность человеческого существа нарушается, и мы должны ждать воскресения тела и победы Жизни Вечной, чтобы стать поистине и в полноте тем, чем мы призваны быть.

Но в смерти Христа происходит нечто иное. Он умирает, хотя умереть не может; Он умирает, хотя бессмертен в самом Своем человеческом естестве, нераздельно соединенном с Божеством. Его душа, не разлучаясь от Бога, вырвана из Его тела, несмотря на то, что и душой и телом Он остается в единстве с Богом. Он будет во гробе нетленный до третьего дня, потому что Тела Его не может коснуться тление. Оно исполнено Божественного Присутствия. Оно охвачено Им, как меч охвачен огнем в горниле, а душа Христова сходит во ад в блистании славы Его Божества. В смерти Христа бессмертное тело отрывается от бессмертной души, тело, которое не может умереть, от души, которая жива, остается живой навеки. Это делает смерть Христа трагедией, превосходящей наше воображение, неизмеримо превосходящей любое страдание, которое мы можем по-человечески вообразить или пережить.

Смерть Христа это акт высшей любви; Он сказал истину, говоря: «Никто не отнимает Мою жизнь у Меня, но Я Сам отдаю ее» (Ин. 10:18) Никто не мог убить Его – Бессмертного; никто не мог угасить этот Свет, который есть сияние славы Божией. Он отдал Свою жизнь, принял невозможную смерть, чтобы разделить с нами всю трагедию нашего человеческого положения.

Господь Сам взял на свои плечи первый Крест, самый тяжкий, самый ужасный; после Него тысячи и тьмы мужчин, женщин, детей взяли на себя собственный крест, более легкий. Но как часто и этот крест, несравненно более легкий, чем Крест Христов, представляется нам таким страшным. Неисчислимое множество людей с любовью, послушливо прошли путем Христовым, долгим, трагическим путем, который указал нам Господь. Да, путь трагичен, но ведет он от земли к самому престолу Божию, в Божие Царство. Вот уже две тысячи лет идут, неся свои кресты, люди, верующие во Христа. Они идут вслед за Ним, толпа за толпой, и на пути видны бесчисленные кресты, на которых распинаемы ученики Христовы. Крест за крестом, куда ни взглянешь все кресты. Мы видим мучеников, перенесших телесные страдания, видим подвижников, героев духа, видим монахов и монахинь, священников и пастырей, но во много раз больше видим простых, обычных, неприметных людей, народ Божий, добровольно взявший на себя крест Христов. Нет конца этому шествию. Они идут из века в век, зная, что Христос предупреждал о том, что на земле они будут в скорби, но что Царство Божие принадлежит им. Они идут с тяжелым крестом, отверженные, ненавидимые и гонимые за правду, за имя Христово. Они идут, идут, чистые жертвы Богу, старые и юные, дети и взрослые. А где же мы? Или мы собираемся стоять и смотреть, как шествует мимо нас этот бесконечный ряд, этот сонм людей с сияющим взором, с неугасающей надеждой, с непоколебимой любовью, с несказанной радостью в сердцах? Неужели мы не присоединимся к этому вечному шествию, толпе, на которой печать жертвы – но и детей Царствия? Неужели мы не возьмем свой крест и не последуем за Христом? Христос заповедал нам следовать за Ним. Он призвал нас на пир в Свое Царство, Он

Сам во главе этой вереницы. Вернее, Он рядом с каждым, кто идет этим путем. Или, может, это представляется нам кошмаром? Как может кровь и плоть вынести эту трагедию, зрелище всех этих мучеников, новых и прежних? Это возможно, потому что Христос воскрес, потому что мы видим в Господе, Который шествует впереди нас, не побежденного Пророка из Галилеи, каким видели Его мучители и гонители. Мы познали Его во славе Воскресения. Мы знаем, что каждое Его слово истинно. Мы знаем, что Царство Божие принадлежит нам, если только мы последуем за Ним.

Примечания

¹ - Часть II. Исповедь внутреннего человека, ведущая ко смирению. Цит. по изд. Владимирова, 1933. С.24–28.